
ВИКТОРИЯ АСКАРОВА
ДИВЕРХАМ,
ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА
КНИГА 1

Виктория Аскарова

Диверхам , по ту сторону льда (Книга 1)

«Автор»
2026

Аскарова В. С.

Диверхам , по ту сторону льда (Книга 1) / В. С. Аскарова — «Автор», 2026

Что, если привычная нам карта мира скрывает самую большую ложь в истории человечества?За ледяными границами Антарктиды существуют земли, о которых люди даже не подозревают. Там, среди огненных рек и базальтовых дворцов, находится Диверхам — мир древней расы, хранящий опасные тайны.Тхессая, наследница погибшего короля, становится пленницей могущественных драконийцев. Чтобы избежать участи, уготованной ей захватчиками, она решается на невероятный шаг — перерождение в человеческом мире.Шестнадцать лет спустя обычная школьница Мэдисон Аддерсон начинает замечать в себе пугающие изменения. Она ещё не знает, кто она на самом деле и почему за ней охотятся силы, способные уничтожать целые миры.Впереди её ждут древние пророчества, предательство, опасные союзники и тайна запечатанной двери, которую никто не должен открывать.Но что произойдёт, если последняя наследница вспомнит, кем была до рождения?

© Аскарова В. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ 6
ПРОЛОГ 7
Последний сигнал 7
ГЛАВА 1 12
Пепел короны 12
ГЛАВА 2 27
Незапечатлённая 27
ГЛАВА 3 42
Побег в неизвестность 42
ГЛАВА 4 53
Врата воплощения 53
ГЛАВА 5 66
Правила миссис Аддерсон 66
ГЛАВА 6 76
Четыре улицы до свободы 76
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Виктория Аскарова
Диверхам , по ту сторону льда (Книга 1)

ВИКТОРИЯ АСКАРОВА

ДИВЕРХАМ
ПО ТУ СТОРОНУ ЛЬДА
ЧАСТЬ 1
Роман

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Последний сигнал
Глава 1. Пепел короны
Глава 2. Незапечатлённая
Глава 3. Побег в неизвестность
Глава 4. Врата воплощения
Глава 5. Правила миссис Аддерсон
Глава 6. Четыре улицы до свободы
Глава 7. Чужое отражение
Глава 8. Первые следы
Глава 9. Кровь, которой не существует
Глава 10. Триста лет изгнания
Глава 11. Незваные гости
Глава 12. Ни единого следа
Глава 13. За ледяной Стеной
Глава 14. Те, кому не верят
Глава 15. Две памяти
Глава 16. По следу наследницы
Глава 17. Тень над Дургхолом
Глава 18. Возвращение наследницы
Глава 19. Тайна запечатанной двери
Глава 20. Девять колец
Глава 21. Гром и Щит
Глава 22. Цена непокорности
Глава 23. Последние ступени
Глава 24. Пробуждение Диверхама
Глава 25. Цена предательства
Глава 26. Последняя наследница
Эпилог

ПРОЛОГ

Последний сигнал

Самая большая ложь в истории человечества была напечатана на каждой карте мира.

Люди столетиями отправлялись в путешествия, открывали континенты, покоряли океаны и смотрели на звёзды, даже не подозревая, что настоящие границы их мира тщательно охраняются.

Исследователь Фальк тоже об этом не знал.

До того утра, когда среди антарктических льдов он обнаружил то, чего там не должно было существовать.

Доктор Мартин Фальк верил в цифры, образцы и приборы, которые иногда ошибались, но никогда не лгали намеренно.

— Мартин, последний раз спрашиваю: ты точно не хочешь взять напарника? — раздалось в наушнике.

— Ральф, ты задаёшь этот вопрос уже в шестой раз.

— И все шесть раз ты отвечаешь неправильно.

Фальк улыбнулся. Он стоял у края ледяного разлома, в который едва проходил человек с рюкзаком. По обе стороны поднимались голубые стены. Ветер бросал в лицо снег, будто пытался вытолкнуть незваного гостя обратно.

— Разведаю первые сто метров и вернусь. Я же не собираюсь искать здесь затерянную цивилизацию.

— Очень смешно. Начальник станции ещё смеяться будет, когда узнает, что ты ушёл один.

— Тогда не говори ему до моего возвращения.

— Так и запишем: последняя просьба доктора Фалька — соврать начальству.

— Запиши лучше координаты.

Он продиктовал цифры и поправил крепление нагрудной камеры. Три недели назад спутник зафиксировал подо льдом полость невероятных размеров. При повторном сканировании полость исчезла. На третьем снимке появилась вновь — уже немного восточнее, словно двигалась сама или вместе с ней перемещалось что-то огромное.

Этот последний вывод Фальк никому не озвучил. Он не хотел, чтобы коллеги начали обсуждать его переутомление.

— Связь проверена, — сказал Ральф. — Контрольный выход через сорок минут. Если начнутся помехи, немедленно назад.

— Принято, мама.

— Ещё одно «мама», и я выключу тебе отопление в жилом модуле.

Фальк засмеялся, включил фонарь и шагнул в разлом.

Поначалу всё выглядело обыкновенно: лёд, камни, следы старых трещин. Но через десять минут стены изменились. Вместо зазубренной поверхности он увидел ровные, как отполированные, плоскости. На одной из них тянулись параллельные борозды — слишком правильные, чтобы их оставил ледник.

Фальк снял перчатку и коснулся стены.

Она была тёплой.

— Ральф, приём.

— Я здесь. Надеюсь, ты уже идёшь обратно.

— У меня тут небольшое несоответствие.

— Из тех, которые надо обсудить за чаем, или из тех, ради которых мне придётся вызывать спасателей?

— Лёд нагревается. Воздух тоже. Сейчас плюс четыре.

— Прибор замёрз.

— Это термометр, Ральф. Ему положено работать на холоде.

— А чему положено нагревать воздух под многометровым льдом?

— Вот это я и пытаюсь выяснить.

Свет впереди внезапно дрогнул. Фальк остановился. Он точно не направлял туда фонарь.

— Что там? — спросил Ральф. — Ты замолчал.

— Кажется, в конце прохода есть ещё один источник света.

— Фальк, нет. Не приближайся. Сначала отметь точку и возвращайся.

— Даю тебе слово: ещё десять метров.

— Ты ведь знаешь, что твои слова ничего не стоят?

— Поэтому я стал учёным, а не политиком.

Рация треснула. Сквозь помехи пробилось раздражённое: «Мартин, я серьёзно».

Фальк прошёл десять метров. Потом ещё пять. На запястье высветилось «+19 °C». Из щели впереди потянуло запахом сырой земли. Где-то капала вода. Невозможный звук для этого места.

Он остановился перед последним поворотом. На льду лежала крошечная тёмная частичка. Фальк поднял её пинцетом и поднёс к фонарю.

Это был лист.

Не замёрзший и не высохший. Свежий, упругий, с прожилками необычного красноватого цвета.

— Ральф?.. — позвал он.

— ...слы... плохо... вернись...

— Я нашёл растение. Слышишь? Живое растение. Здесь, под ледником!

— ...немед... назад...

— Постарайся записать передачу. Я иду дальше.

Он обогнул выступ.

И остановился.

Нагрудная камера записывала всё, что оказалось перед ним, но Фальк даже не вспомнил о ней. Его ладонь медленно поднялась к лицу, будто он хотел проверить, не спит ли.

Там, впереди, простиралось огромное пространство. Оно не было тёмным. И оно не походило ни на одну пещеру, которую он видел за двадцать три года экспедиций.

Фальк различил далёкое движение. Потом ещё одно. Нечто заслонило свет — на короткий миг, словно над ним прошла громадная тень.

— База, — сказал он слишком тихо. — База, вы должны меня услышать.

Рация ответила сухим шорохом.

— Я обнаружил... — Фальк сглотнул. — Господи, я не знаю, как это описать.

— ...Мартин... координ... — прорвался голос Ральфа.

— Здесь кто-то есть.

Помехи заглушили ответ.

Он нажал кнопку ещё раз.

— Ральф? Ты меня слышишь? Здесь кто-то живёт.

На экране мигнула последняя полоска сигнала. И погасла.

Фальк медленно опустил рацию. За спиной остался путь к спасению. Перед ним находилось открытие, из-за которого, как он уже понимал, придётся переписывать учебники.

Слева послышался тяжёлый шаг.

— Эй! — крикнул он, стараясь говорить уверенно. — Я человек! Учёный! Я не вооружён!

Из света выступила фигура.

Очень высокая.

Фальк сначала решил, что это человек в необычном защитном костюме. Затем заметил слишком длинные пальцы, движение головы и странный отблеск на коже, похожей на плотную чешую.

Следом появились ещё двое.

Он отступил.

— Вы... понимаете меня?

Никто не ответил. Одна из фигур наклонилась. Взгляд её блеснул в полумраке, и Фальк вдруг вспомнил древние изображения, над которыми смеялся на одной из конференций. Существа с вытянутыми лицами. Боги, спустившиеся с неба. Легенды, в которых разные народы повторяли одно и то же описание.

— Нет, — прошептал он. — Невозможно.

Фигуры двинулись разом. Его схватили за плечи. Он попытался вырваться, ударил локтем в твёрдую грудь и вскрикнул от боли. Ноги подкосились; через секунду он уже стоял на коленях. Тонкая тёмная лента стянула запястья с силой металлического зажима.

— Отпустите! — Фальк дёрнулся. — Вы хоть понимаете, что делаете? Меня будут искать!

Впереди возник четвёртый силуэт. Остальные немедленно расступились.

Фальк посмотрел на него и вдруг перестал вырываться. Он не понимал, кто стоял перед ним, но видел достаточно, чтобы осознать: его открытие перевернёт всё, что люди знали о мире.

Страх смешался с отчаянным возбуждением.

— Я нашёл вас! — выкрикнул он. — Кто бы вы ни были, я вас нашёл! Слышите? Теперь о вас узнают все!

Существо смотрело молча.

— На станции есть запись, — выпалил Фальк. — Я передавал данные! Они придут за мной. И тогда...

— Никто не придёт, доктор Фальк, — произнёс незнакомец.

Голос был низким, ровным. Русские слова звучали без малейшего акцента.

Мартин замер.

— Вы говорите на нашем языке?

— На каком из ваших языков вы предпочли бы услышать ответ?

— Откуда вы знаете моё имя?

Незнакомец немного склонил голову.

— Вы задаёте не те вопросы.

— Хорошо, — с трудом выговорил Фальк. — Тогда кто вы? И что это за место?

Существо долго разглядывало его, словно выбирало, сколько правды может выдержать человек.

— Вы прошли туда, куда вам не следовало входить.

— Значит, вход всё-таки существует, — быстро сказал Мартин. — Значит, нас обманывали. Всё это время...

— Тише.

— Нет! — он снова рванул связанными руками. — Я молчать не стану. Весь мир должен узнать о вас!

Существо приблизилось. На мгновение свет упал на его лицо, но Фальк успел увидеть лишь глаза— удивительно неподвижные.

— Вы больше не сможете говорить, доктор.

Мартин почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Что... что вы собираетесь со мной сделать?

Ответ прозвучал почти участливо:

— Это зависит от того, что вы успели увидеть.

За его спиной кто-то произнёс короткую фразу на незнакомом языке.

Существо резко обернулось.

И впервые в его спокойном голосе прозвучало раздражение:

— Почему проход оставался открытым?

Фальк поднял голову. Значит, его появление было ошибкой. Ошибкой, которую они собирались исправить.

В этот миг нагрудная камера издала тихий сигнал. Мартин ощутил слабую вибрацию — прибор продолжал записывать даже без радиосвязи.

Он опустил взгляд, стараясь не выдать себя.

Существо проследило за его движением.

— Снимите с него это, — приказало оно.

Чужие пальцы потянулись к креплению камеры.

Фальк успел лишь закричать.

* * *

На полярной станции никто не спал до рассвета.

— Ещё раз, — сказал Ральф, обращаясь к радистке.

— Мы уже слушали двенадцать раз.

— Значит, послушаем тринадцатый.

Динамик захрипел. Послышался голос Мартина: «Я обнаружил...» Затем шквал помех, слабое «здесь кто-то...» — и тишина.

— Это всё, — сказала радистка. — Последнее сообщение. Дальше только шум.

— Увеличь громкость.

— Если увеличить ещё, динамик не выдержит.

Ральф посмотрел на карту, где красным кружком была отмечена последняя известная точка Фалька.

— Он ушёл в разлом. Мы найдём разлом — найдём Мартина.

Но поисковый отряд не нашёл ни входа, ни следов исследователя.

Там, где Фальк часами ранее видел узкую трещину, стояла ровная ледяная стена. Спутниковые снимки, полученные после его исчезновения, больше не показывали никакой полости.

В официальном заключении написали: «Предположительная гибель вследствие обрушения ледяных масс».

Ральф отказался подписывать документ.

— Обрушение не объясняет температуру, — сказал он начальнику станции. — И живой лист под ледником тоже.

— Какой лист?

— Тот, о котором Мартин говорил по рации.

Начальник внимательно посмотрел на него.

— В записи нет никаких слов о листе.

— Я сам их слышал.

— Значит, вам показалось.

На следующий день запись радиопереговоров исчезла из архива. Вместо неё сохранился файл длиной в семнадцать секунд — только белый шум.

Ещё через неделю участники экспедиции получили документы о неразглашении.

Ральф прочитал первую страницу, отложил её и включил собственный старый диктофон. Он всегда делал резервные копии важных переговоров, не доверяя станционному оборудованию.

Из динамика донёсся шёпот Фалька. Потом знакомые помехи.

А затем голос, которого Ральф раньше не слышал.

Тихий. Спокойный. Не принадлежавший ни одному сотруднику станции.
— Вход закрыт. Сообщите остальным.
Ральф медленно поднял глаза.
Он впервые понял, что его друг не просто исчез.
Его исчезновение кто-то организовал.

ГЛАВА 1

Пепел короны

В тот час, когда красная звезда ещё пряталась за северными вулканами, на Диверхаме погас первый сигнальный огонь.

Тхессая стояла у окна и считала вспышки. Семь башен обычно перекликались через долины — от дальнего севера до южной границы. Первая вспыхнула. Вторая ответила. Третья промолчала. Тхессая отсчитала положенное время ещё раз. Потом ещё.

Под арочными мостами дворца текла лава; её медный отсвет ложился на чёрный базальт. Дежурный в башне напротив всё ещё ходил обычным размеренным шагом. Если он не поднял тревогу, значит, исчезновение огня пока заметили немногие.

Четвёртая башня тоже погасла.

Тхессая прижала пальцы к стеклу. Теперь это уже не походило на неисправность.

— Похоже, кто-то решил погасить сразу весь север, — заметили за её спиной.

Тхессая обернулась не сразу. Такой голос мог принадлежать только одному человеку.

В арке стояла леди Вейлара, младшая сестра королевы. Под тёмным плащом виднелись спутанные белые пряди, собранные кое-как; графитовая кожа светилась тонкими голубыми линиями. Изогнутые костяные гребни над ушами делали её профиль резким, а двойные фиолетово-янтарные радужки придавали взгляду ту неприятную внимательность, от которой придворные обычно начинали поправлять воротники. Сьерра и Вейлара происходили из одного древнего народа другого мира; об этом при дворе порой забывали — до тех пор, пока обе сестры не принимались спорить.

Вейлара держала пластину из чёрного архивного камня. Повернула к свету — из глубины проступили столбцы разрешительных знаков. Несколько печатей были совсем свежими.

— Ты опять сбежала из Архива? — спросила Тхессая.

— Я оттуда ещё не выбиралась. Архив сегодня гораздо разговорчивее придворных.

— И что он сказал?

Вейлара приложила пластину к подоконнику. Улыбаться она перестала.

— Кто-то выдавал разрешения на доступ к северным узлам. Причём делал это так аккуратно, словно хотел, чтобы их потом непременно нашли.

— Разрешения поддельные?

— Пока знаю только одно: башни молчат не по собственной прихоти.

Тхессая взглянула на пластину.

— Покажи.

Вейлара наклонила кристалл. Имена мастеров, даты допусков, королевские печати — всё появлялось и исчезало при каждом движении её руки. Тхессая узнала две подписи; третья была выполнена на древнем письме.

— Эту часть ты не прочтёшь. Твой отец запретил учить тебя старому языку.

— А ты обещала ослушаться.

— Обещала. Но ты, между прочим, тоже обещала не выдавать меня из-за шкафов в кабинете короля.

— Я тебя не выдавала!

— Разумеется. Миндальные плитки из королевского запаса исчезли совершенно самостоятельно.

Тхессая чуть не рассмеялась. Вейлара умела произнести слово «самостоятельно» так, что даже каменный шкаф казался виноватым. В детстве Тхессая часто пряталась у неё в архиве от уроков придворного этикета — и редко выходила оттуда с чистыми руками или пустой головой.

— Тётя, — тихо спросила Тхессая, — ты боишься?

Вейлара спрятала пластину под плащ. Некоторое время смотрела на погасший север.

— Да.

Тхессая ждала привычной колкости. Но тётя даже не попыталась пошутить.

— Тогда почему ты не идёшь к отцу?

— Он спросит доказательства. И будет прав. Я принесу их раньше, чем кто-нибудь успеет уничтожить.

Вейлара провела пальцами по щеке племянницы, смахнув невидимую пылинку. Потом вдруг крепко сжала её плечо.

— Если обо мне начнут рассказывать странные вещи, не верь первому же уверенному голосу.

— Почему?

— Потому что ложь, записанная на хорошей пластине, через сто лет выглядит как история. А настоящие свидетели к тому времени обычно мертвы.

С этими словами Вейлара вышла в восточную галерею. Тхессая осталась у окна, глядя на погасшие башни.

Вскоре за спиной снова раздались шаги.

— Опять стоишь у окна, — сказала Сьерра.

Тхессая не обернулась.

— Северные маяки погасли, мама.

— Шэфира, — тихо произнесла королева на элхарине, языке народа, к которому принадлежала до союза с Каэрианом.

Мать называла её так с детства: «моя драгоценная». У чужих это слово никогда не срывалось с языка. Сьерра погладила дочь по волосам — и только потом посмотрела на север.

Длинные тёмные волосы Сьерры удерживала серебряная застёжка. Перламутровая кожа отливала холодным светом, а в больших фиолетово-янтарных глазах на мгновение отразились погасшие башни.

— Ты одета для вечернего совета.

— Сегодня должен был быть совет.

— Отменён. Сними церемониальное платье.

Тхессая повернулась. Тёмные волосы с серебристыми прядями скользнули по плечам, обнажая тонкие костяные гребни над ушами. Янтарные глаза с двойной радужкой выдавали в ней кровь Эссарионов; золотые прожилки под перламутровой кожей вспыхивали ярче всякий раз, когда она сердилась. Сейчас они уже заметно светились.

— Почему?

— Потому что я прошу тебя как мать. Не как королева.

Тхессая опустила взгляд на платье с вышитыми семью горами. Мать никогда прежде не просила её отказаться от герба накануне совета.

— Что случилось?

Сьерра разгладила складку на рукаве дочери, хотя та не нуждалась в этом.

— Ты знаешь, что случилось. Только не говоришь мне.

— Да.

Тхессая шагнула ближе. Сьерра не отступила, но пальцы её задержались на серебряной застёжке.

По переходам за окнами бегали стражники. На мосту, который обычно открывали лишь для вечерней смены, уже поднимали решётку. Ни один сигнал не звучал. И всё же дворец готовился к осаде.

Тхессая вдруг заметила, что мать стоит спиной к двери — будто нарочно закрывает ей выход.

— Мама, — сказала она, — если началась война, я имею право знать.

— Фашшира, — прошептала Сьерра. — Не бойся.

— Тогда не говори со мной так, будто я маленькая. Я хочу знать, куда идти, если сюда придут.

Сьерра положила ладони на плечи дочери. Их руки были похожи длиной пальцев, но у Тхессаи под кожей струились золотые линии отцовской династии, а у Сьерры — прохладные серебристые отблески её собственного народа.

Королева коснулась большого пальца Тхессаи, где проступала золотая нить. Такое же свечение было у Каэриана. После законного союза Сьерра получила имя Эссарион и право править Диверхамом рядом с мужем, но кровь древней династии передалась дочери от отца.

— Ты узнаешь всё, — сказала Сьерра. — Но сейчас мне важнее, чтобы ты пережила эту ночь.

Вдали ударил первый колокол.

Он прозвучал не громко, а глухо, словно по пустому камню ударили изнутри.

Королева убрала руки.

— Надень дорожную одежду. Без герба. И ничего из сокровищницы. Даже ту вещь, о которой я якобы не знаю.

— Ты знаешь о тайнике?

— Я твоя мать. У западной лестницы. Жди меня там.

— Ты вернёшься?

Сьерра задержалась на пороге. Пальцы сжали дверную створку.

— Я сделаю всё, чтобы вернуться. А ты сделаешь всё, чтобы остаться живой.

И вышла, не дав дочери задать следующий вопрос.

Второй удар колокола оборвался на середине.

Тхессая всё-таки побежала за ней.

В Зале Семерых Гор собрался совет. Каменный стол светился схемой защитных сооружений; красные нити на его поверхности одна за другой обрывались. Военачальники молчали. Даже те, кто всегда перебивал друг друга ради права выступить первым.

Каэриан Эссарион слушал командира северной стражи.

— Первые корабли появились над самим разломом, — докладывал тот. — Не приближались издалека. Просто возникли.

— Кто видел? — спросил король.

— Никто из выживших. Лишь запись с последней башни.

— Где наблюдатели? — спросил Каэриан.

— Погибли. Некоторые ещё не отвечают.

— Щит?

— Потерян.

Король положил на край стола раскрытую ладонь. Пепельно-серебристая кожа, тёмные волосы с проседью, золотые прожилки на предплечьях — он не носил корону на военных советах, и всё равно ни один офицер не путал его с придворным. В двойных янтарных радужках сейчас не было ни тени растерянности.

— Кто пропустил их через щит?

— Мы выясняем, повелитель.

— Выясняйте быстрее. Они уже внутри.

Ответить никто не успел.

Двери распахнулись, и в зал вошла Сьерра. Следом, проигнорировав отчаянный жест стражника, проскользнула Тхессая.

— Я приказал тебе остаться в покоях, — произнёс Каэриан, не поворачивая головы.

— А я велела ей идти к западной лестнице, — возразила Сьерра. — Она всё равно услышит, если север пал.

— Пал? — переспросила Тхессая.

Каэриан поднял на неё глаза.

— Драконийцы. И это не посольство.

Тхессая вспомнила переговорщиков Заркатрона: их неподвижные лица, вежливые слова и обещание вернуться с новым предложением. Они уехали всего три дня назад.

— Но они обещали продолжить переговоры.

— Обещания не держат щиты, — сказала Сьерра. — А наши больше не работают.

Советник у дальнего края стола осторожно кашлянул.

— Возможно, дело в недавнем ремонте северных узлов. Наши мастера подписали разрешения, но…

— У одного узла пропал ответ сразу после ремонта, — прервала его Сьерра. — Я просила проверить. Вы помните?

Каэриан медленно выпрямился.

— Доказательства? — спросил Каэриан.

— Вейлара несёт их из Архива. Если успеет.

Советник открыл рот, но король поднял руку.

— Шэсс, — коротко произнёс Каэриан на древнем языке рода.

Советник замолчал на полуслове. Каэриан никогда не повышал на совете голос дважды.

Из дальнего прохода раздался другой голос:

— Есть доказательства. И они хуже, чем вы думаете.

Вейлара вошла с архивной пластиной в руке. На рукавах белела пыль нижних хранилищ. Перед королём она остановилась не поклонившись.

Каэриан нахмурился.

— Кто позволил тебе войти?

— Те же, кто позволил врагу войти в наши города. Только я принесла с собой документы.

— Без острот, Вейлара.

— Тогда совсем коротко. Трое мастеров подписали допуски к северным узлам после собственной смерти.

Один из советников потянулся к пластине.

Вейлара не дала ему её взять.

— А четвёртый сейчас на юге. Я только что связалась с ним. Он не знает, что якобы ремонтировал северный щит.

Каэриан перевёл взгляд на пластину.

— Поддельные печати?

— Подлинные, — ответила Вейлара. — Поддельные имена. Кто-то открыл врагам наши ворота с нашей собственной подписью. И знает устройство нижних убежищ.

— Ты знала об этом раньше? — жёстко произнёс король.

— Подозревала. А теперь могу перечислить даты.

Каэриан подвинул пластину к себе, но не стал читать. Сначала взглянул на двери зала.

— Сколько копий?

— Здесь — одна. Подлинники внизу. Если их заберут, нам останется только гадать, кто предал Диверхам.

Сьерра посмотрела на сестру. Та едва заметно покачала головой: говорить остальное при советниках она не собиралась.

Внезапно круглый стол погас. До этого по его поверхности бежала тонкая линия красного света — живая схема защитных сооружений Диверхама. Теперь она исчезла сразу во всех секторах.

Командир стражи побелел.

— Южные затворы тоже не отвечают.

Сьерра посмотрела на мужа. Он переложил руку со стола на рукоять меча, но ни слова ей не сказал.

— Значит, враг открыл проход раньше, чем показался в небе, — произнёс Каэриан.

В ту же секунду снизу пришёл толчок. Чаша с раскалёнными минералами покатилась по столу, разбилась о пол, и золотые искры брызнули на сапоги стражников. Никто не отступил: тепло не могло причинить им вреда.

Зато следующий звук заставил всех вздрогнуть.

За стенами раздались испуганные крики жителей Диверхама.

Каэриан шагнул к командиру.

— Выводить жителей из верхнего города, — приказал Каэриан. — Открыть нижние убежища. Раненых не бросать.

— Нижние проходы тоже могут быть захвачены, — сказала Сьерра.

— Тогда удержим их, пока последний житель не пройдёт.

— Нижние проходы тоже могут быть захвачены, — сказала Сьерра. — Тогда удержим их до последнего.

— Каэриан, — начала Сьерра.

— Знаю. Но другого приказа не будет.

Сьерра прикусила губу. Каэриан не посмотрел на неё, зато подвинул к ней свою чашу с водой: она так и не притронулась к своей.

Вейлара подняла пластину со стола.

— Я спущусь за подлинниками. Пока ещё есть к чему спускаться.

— Сначала эвакуация, — сказал Каэриан.

— Если они исчезнут, мы станем обвинять друг друга, пока враг будет считать пленных. Я пойду одна.

— Не ходи одна, — сказала Сьерра.

Вейлара глянула на сестру.

— Пришли ко мне того, кто помнит старые знаки. Воинов там хватает, читателей — ни одного.

Тхессая хотела пойти за тётей, но та задержала на ней взгляд.

— Иди к людям, — сказала Вейлара Тхессае. — Если они испугаются, пусть хотя бы видят знакомое лицо. Даже твоё.

И ушла прежде, чем Тхессая успела возразить.

Тхессая шагнула вперёд.

— Я пойду к южным убежищам.

— Ты останешься во дворце, — отрезал Каэриан.

— Там дети, отец. Ты приказал не оставлять никого.

— Ты не командуешь стражей.

— Тогда дай мне тех, кто будет слушаться тебя. Я не стану мешать им.

Каэриан посмотрел на золотое кольцо в её радужке. Потом отстегнул от собственного пояса знак допуска.

— Шестеро стражников. Возьми мой знак. Никаких подвигов. Если дверь не откроется — назад.

— Я открою.

— Ссажир, — добавила Тхессая и прижала кулак к груди.

Она произнесла слово кровной клятвы без торжественности. Каэриан задержал её у двери.

— Тхессая.

Она остановилась.

— Корона не даёт тебе права умереть первой.

У выхода из зала Сьерра остановила дочь.

— Я спущусь к Вейларе, — сказала Сьерра. — Кто-то знал о нижних путях больше, чем мы.

— Мама, там уже опасно.

— Поэтому иду я. Вейлара читает знаки, а я помню, кто их писал.

— Возьми стражу.

Сьерра коснулась кончиками пальцев виска дочери, чуть ниже костяного гребня.

— Жисса, — прошептала она на элхарине.

«Душа». Тхессая на секунду положила ладонь поверх материнской. Ни одна из них не сказала «прощай».

— Сколько сможешь — возьми с собой. И не возвращайся за мной. Даже если будут звать моим голосом.

Тхессая хотела возразить, но королева уже направилась к внутренней лестнице. Серебряная застёжка в тёмных волосах Сьерры на мгновение блеснула под сводами и скрылась за поворотом.

У оружейной ниши Тхессая остановилась. Из-за решётчатой створки, узнающей кровь королевского рода, она достала два широких кольца-наруча из тёмного, будто живого металла. Это не были украшения. Правое, Гром, предназначалось для нападения: по воле хозяйки оно выпускало три изогнутых режущих лезвия. Левое, Щит, раскрывало перед рукой прочный золотистый энергетический щит. Сокровища Эссарионов передавали по наследству не ради блеска: оба наруча подчинялись только крови и воле их истинной владелицы.

Тхессая закрепила наручи Гром и Щит. Металл обнял кожу и ответил на золотые линии у неё под запястьями. Она не один год упражнялась с ними перед наставниками, но сейчас никак не могла застегнуть последний замок: пальцы дрожали. Она выругалась, передёрнула запястьем — и застёжка наконец щёлкнула.

Тёмную безоблачную высь над Диверхамом рассекли полосы чужого света.

Над вулканами зависли корабли без крыльев и видимых двигателей. Они переходили с места на место с пугающей лёгкостью, не оставляя даже вспышки между точками.

С нижних платформ спускались бронированные фигуры.

У одних драконийцев массивные тела покрывала чешуя и тяжёлые костяные гребни; хвосты волочились по камню, когда они двигались медленно, и взлетали для равновесия в бою. Другие несли устройства, при каждом движении которых защитные контуры города гасли один за другим.

— Они заранее знали, куда бить, — прошептала Тхессая.

На дальней платформе драконийский сапёр поднял к башне наблюдения плоское устройство. Вокруг башни на секунду вспыхнула синяя сетка. Потом камень рассыпался так ровно, словно каждую его частицу заранее отделили от соседней.

Жители Диверхама бросились от падающих обломков.

— Не смотрите вверх! — крикнула Тхессая. — В нижний проход! Быстрее!

Пожилой диверхамец с надломленным костяным гребнем тащил на руках ребёнка. Рядом женщина прижимала к груди свёрток. Посреди площади осталась девочка лет семи. Её корот-

кие гребни ещё не успели вырасти, а золотые прожилки на щеках мигали так быстро, будто она дрожала изнутри. Она стояла неподвижно, пока диверхамцы проходили мимо.

Тхессая подхватила её за руку.

— Как тебя зовут?

— Тэла.

— Тэла, ты умеешь считать?

Маленькая диверхамка кивнула, всхлипнув.

— Хорошо. Тогда посчитаешь ступени до убежища. Я сбиваюсь после двадцати. Поможешь?

Тэла насупилась и крепче ухватилась за её ладонь.

— Один… два…

Стражники сомкнулись позади них. Грохот наверху приблизился, из разлома ударил столб огня. Тэла не испугалась жара — лишь крепче сжала руку Тхессаи, когда пол под ногами качнулся.

На двадцать девятой ступени путь перегородили беженцы.

У подземных ворот скопились жители. Старший стражник прижимал ладонь к плите, но та не узнавала его разрешение. Тхессая подошла ближе.

— Что с дверью?

— Не принимает допуск. Нас отрезали.

— Здесь есть ручной привод?

Стражник с силой ударил кулаком по металлу.

— Сняли при ремонте. В приказе сказано: больше не нужен. С королевской печатью,— выговорил стражник.

Тхессая вспомнила Вейларину пластину. Поддельное разрешение. Снятый привод. Теперь здесь могли погибнуть те, кто поверил красивой печати.

Вокруг теснились перепуганные диверхамцы. Кто-то молился, кто-то требовал открыть дверь, кто-то пытался вернуться на площадь. При каждом новом ударе сверху тонкие прожилки на их коже вспыхивали тревожными отблесками.

Тхессая подняла руку.

— Назад не идём. Откроем.

— Ваше Высочество, если замок заблокирован…

— Я вижу. Дайте мне место.

— Я не просила объяснять, почему нельзя.

Она подошла к воротам и приложила обе ладони к плите. Камень был холоден. За ним, глубоко под горой, не слышалось привычного ровного биения древнего механизма.

Тхессая закрыла глаза.

С губ Тхессаи неожиданно сорвался тонкий звук — будто свист раскалённого камня. Затем другой, ниже. Она умолкла, не понимая, отчего заговорила так, как не умела.

Отец собирался позже объяснить ей древний «ответ крови». Пока же Тхессая знала лишь то, что ворота некоторых святилищ узнавали линию Эссарионов. Но никогда не видела, чтобы замок отвечал ей сам.

Золотые линии на её руках вспыхнули.

Ворота содрогнулись.

Раздался хруст, похожий на движение огромных каменных челюстей. Между створками образовалась щель.

— Все вместе! — крикнула она. — Сейчас!

Стражники навалились плечами. Створки подались, пропуская первых жителей города в убежище.

Тэла оглянулась на неё.

— А ты?

— Иди. Ты ещё не досчитала.

Тэла послушалась.

Когда последняя группа скрылась внизу, Тхессая увидела, что золотое свечение на её руках не исчезло. Оно тянулось по пальцам, поднималось выше запястий и отзывалось каждому толчку подземного огня.

Старший стражник посмотрел на неё так, как до этого смотрел только на короля.

— Вы пробудили замок, — выдохнул стражник.

— Я просто приложила руки.

— Никакое усилие не могло открыть эту дверь без ответа изнутри.

— Нет, Ваше Высочество. Эти двери не открываются усилием рук.

Тхессая не нашлась с ответом.

Тхессая посмотрела на собственные ладони. На коже оставались золотые искры. Она быстро спрятала руки под рукава, чтобы Тэла и другие дети их не увидели.

Но враги уже заметили вспышку.

К вечеру огонь над столицей стал фиолетовым.

Вместо привычного янтарного сияния вулканов по чёрной выси протянулись фиолетовые полосы — следы чужого оружия. Южный мост был разрушен, западные башни опустели, а по широкой дороге к дворцу двигались захватчики.

Тхессая возвращалась с двумя стражниками. Четверо остались удерживать убежище до конца эвакуации.

У высоких ворот их встретил раненый командир.

— Ваше Высочество… — Он с трудом выпрямился.

— Где мой отец?

Командир опустил глаза.

— Он у Северного Очага.

— Что это значит?

За спиной командира обрушилась тонкая колонна, и каменная пыль поднялась к своду. Он даже не оглянулся.

— Король удерживал проход, — сказал командир. — Когда они прорвали внутреннюю стену, он сам пошёл к Северному Очагу. Приказал перегрузить поток, чтобы снести мост вместе с вражескими осадными платформами.

Тхессая посмотрела на командира, но тот не поднял глаз.

— Он открыл огненные затворы?

— Да.

— Но их нельзя открывать изнутри, если…

— Я знаю.

Она прошла мимо него, почти побежала, поднялась на галерею и остановилась.

Там, где был северный мост, теперь неслась лава. Вместе с каменными опорами она уносила искорёженные осадные платформы драконийцев. Над раскалённым потоком шёл густой белый пар; корабли противника отступили от края разлома.

На дальней стороне, окружённый огнём, стоял Каэриан.

До него было слишком далеко, чтобы различить лицо. Но Тхессая видела золотые линии на его руках. Они горели так ярко, что казались продолжением потоков под ним.

Она прижалась к перилам.

— Отец!

Звук потерялся в грохоте.

Каэриан поднял обе руки. На миг вся северная стена вспыхнула, и Тхессае показалось, что сам Диверхам отвечает ему.

Но затем над Северным Очагом разорвался слепящий белый свет. Это был не обычный вулканический жар, который его народ умел переносить. Подземный механизм высвободил удар такой силы, что свод зала управления раскололся. Огромные каменные плиты обрушились туда, где стоял король; следом рухнули опоры моста.

Когда сияние погасло, на месте зала осталась только ревущая река расплавленного камня.

Тхессая смотрела туда, где только что стоял отец. Она разглядела отломанный край моста, знакомую полосу золота на камне— след его ладони, оставленный при последнем приказе потокам. Фигуры короля больше не было.

Она вцепилась в перила и ждала, пока дым рассеется окончательно.

— Нет, — прошептала она.

Стражник рядом опустился на одно колено.

— Король Каэриан пал, — сказал стражник.

— Ты не видел его тела, — резко ответила Тхессая. — Не говори так.

Стражник опустил голову. И это молчание оказалось страшнее любых слов.

Отец всегда возвращался с совета последним. Он обещал показать ей старую переправу в горах, когда закончится время тревог. В памяти вдруг всплыла совсем простая мелочь: как он поправлял ремень у неё на запястье, чтобы Гром не натирал кожу.

За северной стеной грохотала лава.

Никто не отвечал на её оклик.

Светящиеся линии на её руках вспыхнули почти белым. Тхессая ударила по перилам; камень откололся и упал в пропасть.

— Они пришли сюда после мирных переговоров! — выкрикнула она. — Он поверил, что у нас будет время!

Она ударила снова. От перил откололся небольшой обломок и исчез в огне далеко внизу.

— Ваше Высочество… — начал командир.

— Не называй меня сейчас так!

Она сделала шаг к дальнему краю, будто могла перепрыгнуть разрушенный мост. Потом увидела обугленный знак допуска на собственном поясе — отцовский знак, выданный ей несколько часов назад.

Тхессая опустилась на колени. Знак ударился о камень.

— Папа…

Это слово прозвучало так тихо, что его едва услышали стоявшие рядом стражники.

Она прижала знак к груди, пытаясь удержать дыхание. Стражники отвернулись. Один из них снял шлем, но ничего не сказал.

«Корона не даёт тебе права умереть первой». Она крепко сжала знак: отец отдал его ей, словно знал, что не сможет потребовать обратно.

— Я не успела… — сказала Тхессая. Больше слов у неё не нашлось.

«Фэссир» — вечность. Так отец говорил, когда обещал исправить что-нибудь «позже». Теперь это «позже» больше не существовало.

Командир приблизился, но остановился, заметив, что она держит знак так крепко, что его края впиваются в ладонь.

Когда Тхессая наконец поднялась, кожа вокруг знака была исполосована тонкими красными полосками. Она убрала его под плащ.

— Где королева? — спросила она охрипшим голосом.

Командир взглянул на ближайшего стражника.

— Последний раз её видели у нижних архивов.

— Так пошлите за ней поисковый отряд!

— Мы послали.

— И?

— Проход оказался пуст. А после этого связь исчезла.

Тхессая схватила его за рукав.

— «Пусто» не значит «мертва».

— Нет, Ваше Высочество.

— Тогда не смейте говорить о ней, как о погибшей.

Он поклонился.

— А леди Вейлара? — спросила Тхессая. — Она тоже была в архиве.

— Её видели возле внутреннего перехода, — ответил командир. — Но после падения южных затворов оттуда никто не выходил.

— Значит, вы не знаете, где ни одна из них.

Командир ничего не ответил.

Тхессая вспомнила утренние слова тёти. Не верить тому, кто первым расскажет, что произошло. Даже если будет говорить голосом победителя.

Новый грохот прокатился над дворцом. В отличие от прежних ударов он пришёл не снаружи, а изнутри.

— Поздно, — прошептал командир.

Из центрального коридора донеслись тяжёлые шаги.

Первого драконийца Тхессая увидела в дверях галереи.

В дверях стоял высокий драконiец. Тяжёлая тёмная чешуя закрывала грудь, вдоль головы поднимались костяные пластины, а длинный хвост медленно скользил по полу. По виду он не слишком устал после штурма.

Он остановился у порога и посмотрел на Тхессаю так, словно пришёл забрать давно оплаченный предмет.

— Тхессая Эссарион. Наконец-то.

Командир стражи вынул клинок.

— Назад!

Чужак перевёл на него взгляд, почти равнодушный.

— Убери оружие.

— Ты находишься во дворце…

Драконiец двинул рукой так быстро, что Тхессая не успела различить удара. Клинок вылетел из пальцев командира и с лязгом покатился по камню. Следующим движением захватчик отбросил самого стражника к стене.

— Я не спрашивал, чей это дворец.

Оставшийся стражник бросился вперёд. За Мор-даркаром возникли ещё четыре драконийца. Двое закрыли выход, остальные стали обходить галерею по дуге.

Тхессая выставила перед собой правое предплечье.

— Положи оружие, — произнёс чужак.

— Назови себя.

— Мор-даркар. Этого достаточно.

Имя она слышала при переговорах: старший сын Даркара, которого предлагали ей в «вечный союз» вместе с правом Заркатрона распоряжаться Диверхамом. Тхессая тогда решила, что ей никогда не придётся встретиться с этим существом.

— Твой отец захотел чужие земли, — сказала она.

— Мой отец возвращает то, что ему необходимо. — Мор-даркар коротко оскалился. — И я привык заканчивать начатое.

— Удивительно удобное представление о чужой собственности.

Мор-даркар сделал шаг. В ответ Тхессая сжала кулак. Гром — боевой наруч на её правой руке — раскрылся с серебряным щелчком. Из тёмного металла вышли три длинных лезвия, по кромкам которых пробежал золотой свет.

Первый драконiец ринулся сбоку. Тхессая не пыталась остановить его силой. Она ушла под удар, позволила тяжёлому телу проскочить мимо и рассекла крепление его наплечника. Тот с грохотом ударился о пол. Второму она подставила ногу, а третьего отбросила коротким ударом левого предплечья.

Щит развернул золотую сферу. Копьё ударило о неё, рассыпав искры. Тхессая отступила на полшага и едва удержалась от падения.

— Живой! — рявкнул Мор-даркар. — Кто повредит наследницу, будет отвечать мне лично!

— Тогда попроси их быть осторожнее, — бросила Тхессая, уходя от нового удара. — У меня закончились свободные руки.

В галерею ворвались новые захватчики. Их стало двенадцать. Гром оставлял глубокие борозды на броне, Щит принимал один удар за другим. Драконийцы теснили её числом, но не могли загнать к стене: принцесса скользила между массивными фигурами, меняла высоту стойки, уходила от тяжёлых хвостов и мгновенно наказывала противников за каждый слишком широкий замах.

Янтарно-золотые глаза Тхессаи засветились. Теперь в каждой радужке отчётливо сияли два кольца: внешнее и внутреннее, будто два раскалённых огненных кольца. Золотые прожилки на перламутровой коже вспыхнули ярче. Она увидела движение копья прежде, чем воин его завершил, и успела отбить остриё защитным щитом.

— Двенадцать! Вас двенадцать!— взревел Мор-даркар.

— Уже девять, — ответила Тхессая.

Мор-даркар вступил в бой сам. Его удар прогнул золотой щит, и Тхессая ощутила удар до плеча. Она скользнула под его рукой и полоснула Громом по наплечнику; на чешуе осталась тонкая красная линия.

Мор-даркар посмотрел на рану и медленно коснулся её двумя пальцами.

— Ты осмелилась меня ранить.

— Похоже, да. У тебя теперь есть доказательство.

Он теснил её к колоннам, всё чаще требуя от своих воинов взять пленницу живой. Один из его гребней остался срезанным наполовину. Когда он это заметил, лицо его исказилось сильнее, чем от раны.

Он увидел то, чего Тхессая не заметила: у дальней стены драконiец достал плоский подавитель — устройство, предназначенное для захвата носителей энергетического оружия. Тот не стал целиться в принцессу. Он направил его на камень под её ногами.

Раздался низкий удар, который не был звуком. На мгновение свет Щита дрогнул. Руки Тхессаи свело так, будто мышцы перестали принадлежать ей. Она успела сделать шаг, затем ещё один, прежде чем опустилась на колено.

Трое драконийцев навалились одновременно. Один удерживал плечи, двое схватили её руки. Даже обездвиженная, Тхессая ударила одного из них лбом и едва не вывернула другому локоть.

— Не трогайте наручи!

— Теперь они принадлежат Заркатрону,— произнёс Мор-даркар.

Драконийцы сняли оба наруча с её предплечий. Гром погас, спрятав лезвия. Золотая дуга Щита исчезла. Без кожи истинной хозяйки живой металл стал холодным и неподвижным.

Командир отряда примерил Гром поверх чешуйчатого предплечья. Он напрягся, дёрнул плечом, попытался вызвать лезвия. Ничего.

— Сломано? — прорычал он.

Тхессая, едва переводя дыхание, подняла голову.

— Нет. Просто они различают владельца и вора.

Мор-даркар вырвал у воина наруч и бросил короткий взгляд на собственную раненую броню.

— Сохранить оба. И не пытайтесь их вскрыть. Отец решит, что с ними делать.

Тхессая выпрямилась между удерживавшими её стражниками. Её двойные радужки ещё светились, хотя руки не слушались.

— Считаешь, что победил? — спросила она. — Ты привёл армию против одной.

— Я выполнил приказ. А ты не выполнила ни одного своего.

— Для тебя — возможно.

Выживших после штурма согнали в нижние камеры.

За решётками оказались не только защитники дворца. Драконийцы гнали под землю целые семьи из верхнего города; переполненные коридоры тянулись один за другим. Тхессая слышала детский плач, стоны раненых и тяжёлые шаги стражи. Многие диверхамцы ещё не знали, что убежища, в которых они искали спасения, превратились в тюрьму.

Тхессая шла мимо решёток, за которыми теснились семьи, раненые воины и старейшины. Женщина с обожжёнными руками беззвучно качала пустую ткань. Ни один стражник не пытался её утешить.

Среди пленных Тхессая заметила Тэлу. Та стояла у решётки рядом с пожилым диверхамцем, чей надломленный гребень принцесса запомнила ещё на площади. Увидев Тхессаю, Тэла подняла пальцы, будто снова собиралась считать ступени.

— Как вы оказались здесь? — вырвалось у Тхессаи.

— Главные ворота мы закрыли,— быстро прошептал пожилой диверхамец. — Но драконийцы вошли с другой стороны, через старый водосброс. Они знали, где открыть технический шлюз.

Тхессая вспомнила список из Архива. Диверхам предали не ударом снаружи: кто-то заранее оставил врагам тропу через собственные стены.

Тхессая хотела остановиться.

Мор-даркар потянул её вперёд.

— Они не сделали вам ничего.

— Они не мешали, пока их запирали, — отозвался Мор-даркар. — Это разумнее сопротивления.

Офицер приблизился к Мор-даркару.

— Наручи доставлены в зал трофеев. Ни у кого не раскрываются.

— Прекратите испытания, — отрезал Мор-даркар. — Доложите моему отцу.

— Здесь нет других Эссарионов, — сказала Тхессая.

Мор-даркар не повернул головы.

— Это ещё не тебе решать.

Впереди открылись тяжёлые двери. За ними начинался древний тронный зал. В прежние времена там принимали правителей союзных земель. Теперь на стенах висели тёмные полотнища с чужим знаком, а вокруг опустевшего престола стояли бронированные драконийцы.

Но главное место занимал не Мор-даркар.

На возвышении неподвижно сидел его отец.

Даркар.

Светло-серая чешуя Даркара была похожа на камень, изрезанный древними трещинами. Тяжёлые надбровья нависали над неподвижными глазами. Он сидел без короны и не шевелился; массивный хвост лежал возле трона, точно продолжение самого возвышения.

Тхессая остановилась. Ей казалось, что победитель должен хотя бы взглянуть на захваченный дворец.

Даркар смотрел только на неё.

Мор-даркар остановился в нескольких шагах от возвышения.

— Наследница доставлена.

Даркар рассматривал Тхессаю долго и без спешки. Его взгляд скользнул по лицу, рукам, золотым прожилкам у ключиц, по двойному кольцу в глазах.

— Ближе.

Тхессая осталась на месте.

Даркар перевёл глаза на старшего сына.

— Я не повторяю приказы.

Мор-даркар толкнул её вперёд. Она удержалась на ногах и выпрямилась.

— Ты убил моего отца.

— Твой отец сам выбрал смерть, — ответил Даркар. — Он мог отступить.

— Он защищал Диверхам.

— Теперь Диверхам принадлежит мне.

— Народ никогда не станет тебе принадлежать.

— Народ не спрашивают.

Даркар едва заметно шевельнул пальцами. Из боковой двери появился драконийский хранитель военных архивов. Он нёс прозрачную пластину, внутри которой медленно пульсировала тонкая золотая нить. Тхессая почувствовала неприятное покалывание в запястьях: её собственные узоры откликнулись на чужой прибор.

— Подлинность подтверждена, властитель,— произнёс хранитель.— Прямое наследование. Последняя известная представительница первичной линии.

— Каэриан?

— Кровная реакция погасла у Северного Очага.

— Сьерра?

Хранитель задержал пластину обеими руками. Его большие пальцы побелели.

— Местонахождение не установлено. Печать её союза с Каэрианом уже существует. Для нового кровного союза она непригодна.

Даркар слегка изменил положение головы.

— Я спросил, где она. Не о её крови.

— Смерть не подтверждена. Кровная печать всё равно остаётся на ней навсегда.

— А наследница?

Хранитель сверился с показаниями пластины.

— У Тхессаи нет пары. Следов прежнего обмена крови не обнаружено.

— Найдите королеву живой, — приказал Даркар. — И не путайте этот приказ с просьбой.

— Наручи наследницы забрать в личное хранилище. Не вскрывать. Они ещё понадобятся.

Хранитель поспешно спрятал пластину и вышел, ни разу не повернувшись спиной к трону.

Тхессая старалась не смотреть туда, где стоял хранитель. Пока он не произнёс слова «мертва», она могла надеяться, что мать жива.

Даркар снова обратился к ней:

— Твоя кровь отзывается на древние врата, — сказал Даркар.— Наши устройства оказались бесполезны. Поэтому ты здесь.

— Ты разрушил мой город ради того, чтобы открыть древние ворота?

— Ради того, что тебе предстоит для меня сделать.

Мор-даркар приблизился к престолу.

— Начни обряд, отец, — потребовал Мор-даркар. — Моя кровь ещё не запечатлена. Её тоже.

Даркар перевёл на него взгляд.

— Когда потребуется твоя кровь, тебя позовут.

Мор-даркар сжал пальцы на рукояти оружия. Спорить он не посмел.

Тхессая посмотрела с одного на другого. Она уже слышала это слово при переговорах, но теперь впервые поняла, что они не говорят образно.

— Запечатление?

Хранитель развернул пластину с двумя кровными рисунками: золотым и тёмно-зелёным. Между ними проступал третий, незнакомый знак.

— Это древний Закон Крови, — произнёс он. — Крови двух живых участников соединяются у Алтаря Слияния. Достаточно одного союза, чтобы печать осталась навсегда. Король Каэриан и Сьерра уже запечатлены. А у наследницы и Мор-даркара прежних печатей нет.

Тхессая отступила от пластины. Приглашение в «вечный союз» вдруг показалось ещё омерзительнее.

— Вы хотите связать меня с ним?

— Потом объявят о союзе, — сказал Даркар. — Потомки объединят два рода. Заркатрон получит то, чего ещё не было ни у кого.

— Это не будет союзом.

— Нам не требуется твоё название, — ответил Мор-даркар.

— Взять у неё кровь, — приказал Мор-даркар хранителю.

— Для печати недостаточно забрать образец, — возразил хранитель. — У Алтаря каждый участник должен сам взять ритуальное лезвие, сделать надрез на собственной руке и капнуть кровь в своё углубление. Когда обе крови попадут туда, Алтарь начнёт запечатление. Никаких слов он не требует. Без этих двух действий союз не состоится.

— Значит, заставьте её сделать надрез, — бросил Мор-даркар.

— Внешнее святилище пока закрыто, — сказал хранитель. — Сначала нужно восстановить путь к Алтарю.

Даркар не повысил голоса.

— Откройте его.

— Работа уже начата, властитель.

— Тогда поспешите.

Тхессая посмотрела на него.

— Вы хотите создать новый род из моей крови?

— Новую династию, — ответил Даркар. — Она унаследует две силы и две власти.

— А если я не возьму лезвие?

Даркар посмотрел на её пальцы. Потом на Мор-даркара.

— Упрямство проходит. Особенно когда за него платят другие.

— Моего имени ты не получишь.

— Мне не нужно имя.

— И моей крови ты не получишь.

Даркар поднялся с трона. Стражники по обе стороны зала одновременно выпрямились.

— Это мы ещё увидим.

Тхессая не отвела взгляда. Даркар перевёл глаза на Мор-даркара.

— Уведите. Она нужна мне живой и невредимой. Любая рана без моего приказа будет последней ошибкой того, кто её нанесёт.

— А мой народ? — спросила Тхессая.

Даркар уже смотрел на хранителя.

— Места хватит.

— Ты не можешь держать их там вечно.

— Я умею ждать, — ответил Даркар. — И ты научишься.

Тхессая поняла, что он действительно не собирается спешить. Он говорил о заточении целого народа так же ровно, как об ожидании смены караула.

Её повели прочь. Мор-даркар не обернулся, но хвост раздражённо ударил по ступеням трона.

Камеру ей отвели глубоко под дворцом, там, где даже старые карты оставляли сплошной тёмный камень.

Стены были гладкими, без швов. На потолке горела узкая полоса холодного света. Тхессая приложила ладонь к стене: привычного биения подземных потоков не было слышно.

Ей оставили воду и чашу с пищей, к которой она не притронулась.

Она села у стены, обхватив колени.

Никто не пришёл спросить, не нужна ли ей вода. Никто не назвал её наследницей. И страшнее всего было то, что никто не знал, где теперь Сьерра и Вейлара.

Перед глазами снова возник мост, окружённый огнём, и отец, стоявший посреди него.

«Корона не даёт тебе права умереть первой».

Тхессая закрыла лицо ладонями.

Она не плакала перед захватчиками. Здесь, в одиночестве, это оказалось уже невозможно.

Наконец она подняла голову.

На её ладонях проступали золотые узоры. Не такие яркие, как при открытии ворот, но живые. Они вспыхивали в такт чему-то далёкому, почти неслышному.

Раз.

Пауза.

Ещё два коротких толчка.

Она положила ладонь на стену.

Сквозь холодный материал прошло слабое тепло.

Тхессая замерла.

Снова: один долгий толчок, два коротких.

Она слышала такой ритм в детстве, в нижних залах, где мать показывала ей древние механизмы. Те отвечали на прикосновение Эссарионов, но сами никогда не звали.

«Если однажды потеряешь всё, — говорила Сьерра, — начни сначала».

Тхессая подняла глаза на стену. Материнские слова прозвучали в памяти так отчётливо, словно Сьерра была совсем рядом.

Она прижала обе ладони к стене.

— Я здесь, — прошептала она.

Тепло исчезло.

Тхессая подождала, не шевелясь.

А потом в глубине камня раздался едва различимый звук. Не голос и не шаги — скорее движение старого механизма, который слишком долго считали мёртвым.

На её запястье вспыхнула золотая нить.

За пределами камеры, под слоями холодной породы, что-то ответило.

Дворец захватили. Короля больше не было. Народ заперли под землёй.

Но под ладонями Тхессаи древний Диверхам отвечал ей — не Даркару.

ГЛАВА 2

Незапечатлённая

Камень ответил ещё раз.

Один долгий толчок. Два коротких.

Тхессая не отнимала ладоней от стены, хотя холод уже проник под тонкие пластины её кожи. В темноте камеры золотые линии на запястьях выглядели так, будто кто-то спрятал под ними горящие нити. Они мерцали в том же ритме, что и невидимый механизм за стеной.

Она задержала дыхание.

Долгий. Два коротких.

Так в детстве стучала леди Вейлара, прежде чем войти в её комнату. Не потому, что существовал особый обычай. Просто тётя говорила: если уж собираешься нарушить чужой покой, предупреди заранее и дай возможность спрятать то, чего тебе видеть не положено.

Тхессая вдруг почти услышала её насмешливый голос.

«Прятать мне нечего», — отвечала тогда маленькая принцесса.

«Так говорят только те, у кого ещё не проверяли шкафы».

Воспоминание вырвало у неё улыбку. Тхессая уже открыла рот, чтобы повторить тётину насмешку, но увидела перед собой не архивные полки, а дверь камеры. Улыбка погасла.

— Вейлара? — едва слышно позвала она.

Ни ответа, ни шагов. Только далёкое гудение за камнем.

— Мама?

Золотая нить на запястье вспыхнула и погасла.

Слишком глупо, сказала себе Тхессая. Даже для пленницы, которая за один день потеряла почти всё. Не всякий звук был посланием; не всякая тайна обязана была иметь добрый конец.

Но механизмы Диверхама никогда не стучали случайно. Её отец говорил, что древние системы не разговаривают: они распознают право крови, как замок распознаёт ключ. Сьерра возражала ему, что замок не может первым позвать того, кто держит ключ.

Тхессая тогда посмеялась над их спором.

Теперь спор перестал казаться смешным.

Она чуть повернула ладонь, нащупывая место, откуда исходило тепло, и тихо произнесла:

— Шэсс.

Короткое эссарийское «остановись» отозвалось в пустоте сухим свистом.

Тепло исчезло.

Тхессая раздражённо прикрыла глаза.

— Прекрасно. Даже стены исполняют мои приказы буквально.

Она подождала, потом приблизила губы к камню.

— Я не приказываю тебе молчать. Я хочу понять.

У неё не получилось подобрать ни одного слова древнего языка, которое подходило бы лучше. Её учили говорить с советниками, солдатами, послами, но никто не учил обращаться к тому, что не имело лица.

И тогда из груди сам собой вырвался звук — мягкое долгое «сс», следом шёпот «шш» и низкий, почти неслышимый гул. Словно кто-то заговорил одновременно её голосом и голосом существа, скрытого в самой горе.

Тхессая тут же отшатнулась.

Она не знала этого слова. Не знала даже, где у него начало.

Стена дрогнула.

По ровной поверхности проступила тонкая линия. Не трещина: золотой знак, согнутый под углом, как половинка незавершённого круга. Он возник и погас, едва успев отразиться в её глазах.

За дверью щёлкнул замок.

— От стены, — приказал незнакомый голос.

Тхессая обернулась, спрятав руки в складках одежды.

Дверь открылась. В камеру вошли двое драконийцев, а следом — высокий чешуйчатый хранитель архивов в тёмной одежде. На его груди висела прозрачная измерительная пластина, в которой дрожали золотые линии. Он представился Ксарном.

— Наследница Эссарионов, — произнёс он с осторожной учтивостью.— Я изучаю старые механизмы этого дворца. Вы только что заставили один из них ответить.

— Вы угрожаете мне от имени механизма? — спросила Тхессая.

— Я хочу узнать, что вы ему сказали.

— Что мне не нравится новая власть. Возможно, камень разделяет моё мнение.

Ксарн поднял пластину к стене. На ней осталось дрожать отражение золотой линии. Учёный трижды провёл по экрану пальцем, прежде чем ответить.

— Древний камень не знает политических симпатий. Он откликается на кровь древних родов. А некоторые знаки в этих стенах реагируют на звуки нашего языка.

— Значит, знает обо мне больше, чем ваши офицеры.

Хранитель не обиделся. Он поднял пластину, и на ней возникло изображение нижних камер: узкие коридоры, решётки, неподвижные фигуры пленников. У одной из перегородок Тхессая увидела маленькую диверхамку.

Тэла.

На пластине сменялись изображения других галерей. За каждой решёткой теснились диверхамцы: семьи, раненые воины, старейшины. Подземные камеры были переполнены, и конца коридорам не было видно.

Она невольно приблизилась.

— Девочка жива? — Пока жива. Как и многие другие. Их судьба зависит от решений, которые будут приняты у Алтаря Слияния.

— Не пытайся покупать моё согласие чужими жизнями.

— Я служу Даркару, — ответил Ксарн. — Но закон, написанный в камне, существует дольше любого правления. Для обряда необходимы двое живых участников. Каждый должен собственноручно надрезать руку и отдать свою кровь. Ни стражник, ни властитель не смогут сделать это за тебя.

— Тогда объясни ему.

— Он не всегда интересуется объяснениями, которые мешают его намерениям.

Тхессая усмехнулась без радости.

— Ты выбрал опасное занятие.

— Я выбрал работу с древними текстами, — сказал Ксарн. — До вчерашнего дня это было почти мирное ремесло.

Один из стражников недовольно переступил с ноги на ногу.

— Вас ждут, хранитель.

Ксарн убрал пластину.

— Очень скоро вам придётся сделать выбор, наследница.

— Даркар сказал, что выбора у меня нет.

— В таком случае ему придётся убедить тебя самой взять лезвие.

Дверь закрылась. Тхессая осталась перед стеной, хранившей новый узкий шов. Она коснулась обнажённого запястья там, где ещё вчера лежал Гром. На другой руке кожа тоже пом-

нила тяжесть Щита. Драконийцы отняли оба наруча и спрятали в сокровищнице. Восстановить бой без них она могла — вернуть родовое оружие пока нет.

Мор-даркар не любил ждать. Он терпел долгие осады, но не выносил чужого молчания, особенно когда оно исходило от пленницы.

В Зале Семерых Гор над круглым столом горело изображение Кратера Кровного Слияния. Девять серебристых колец Алтаря покоились над остывшей площадкой. Стоявший рядом Ксарн, хранитель древних протоколов, не решался прикоснуться к управляющей пластине без приказа.

— Почему дорога к кратеру закрыта? — спросил Мор-даркар.

— Предки Эссарионов защищали святилище от непрошеных армий, — ответил Ксарн. — Внешние врата открывает только кровь правящего рода.

— У нас есть наследница.

— Её прикосновения будет достаточно, чтобы открыть дорогу. Но не для завершения самого обряда.

Вошёл Даркар. Офицеры немедленно склонили головы.

— Когда? — спросил Даркар.

— До восхода красной звезды, если наследница откроет врата. Без неё восстановление затянется, — ответил Ксарн.

— Значит, без неё не обойтись. Продолжай.

Даркар перевёл взгляд на сына.

— Не сломай то, за чем мы пришли.

— Я не сломал её, — сухо ответил Мор-даркар.

— Пока, — поправил отец.

Ксарн развернул перед ними три знака: золотую линию крови Эссарионов, тёмно-зелёную линию крови драконийцев и серебряный знак будущей общей печати.

Ксарн показал два углубления Алтаря.

— Первый участник сам надрезает руку и капает кровь сюда. Второй — сюда. Как только обе крови окажутся в камне, он соединит их. Ни слов согласия, ни иной проверки не будет.

— А если один откажется? — спросил Мор-даркар.

— Тогда Алтарь останется пустым с его стороны.

— Значит, она сама отдаст кровь, — произнёс Даркар.

— За неё нельзя сделать надрез, властитель. Именно поэтому вам понадобится её собственное действие.

Старший сын усмехнулся.

— Ты утверждаешь, что одна девушка способна остановить армию?

— Армию — нет, — ответил Ксарн. — Один древний механизм — вполне.

Даркар долго смотрел на золотой знак. — Покажите ей пленников. Пусть узнает цену непослушания.

Ксарн наклонил голову. Мор-даркар провёл большим пальцем по краю оружейной рукояти и улыбнулся так, что стоявший рядом Тирн поспешил убрать глаза.

На следующее утро Тхессая увидела Тэлу прежде, чем услышала её голос.

Девочка стояла за прозрачной перегородкой в широком нижнем переходе. Рядом с ней находился пожилой диверхамец с надломленным костяным гребнем. Его рука лежала у неё на плече. По другую сторону прохода дежурили драконийцы.

Тхессаю вывели из камеры без объяснений. На запястьях у неё сомкнулись тонкие металлические браслеты, соединённые короткой светящейся полосой. Они не жгли кожу, но всякий раз, когда принцесса пыталась резко двинуть рукой, мышцы немели.

— Ваше Высочество! — крикнула Тэла.

Один из стражников ударил древком оружия по перегородке. Девочка вздрогнула.

— Не трогай её! — сказала Тхессая.

— Тогда не заставляй нас ждать, — отозвался Мор-даркар, появившись из-за колонны.

Тхессая повернулась к нему.

— Ты прячешься за ребёнком?

— Я экономлю время, — ответил Мор-даркар. — Жизнь одного ребёнка против безопасности тысяч. Даже ты умеешь считать.

— Для того, кто победил целую планету, ты удивительно боишься одного слова «нет».

Он подошёл почти вплотную.

— Ты не представляешь, насколько мне всё равно, что ты думаешь.

— Тогда почему стараешься убедить меня в этом так часто?

Его хвост коротко стукнул по полу. Мор-даркар отвернулся и кивнул хранителю.

Ксарн включил изображение закрытого узла. Над проходом возникли холодные золотые линии.

— Для прохода к Кратеру Кровного Слияния нужен первичный допуск,— объяснил хранитель.— Внешние врата не открыть без твоего прикосновения. Сам Алтарь расположен далеко отсюда, на открытом плато под красной звездой. Никакого обмена крови здесь не будет.

— А после?

— После мы обсудим следующие действия.

— Ты снова называешь угрозы обсуждением.

Ксарн не возразил.

Тэла прижалась к перегородке.

— Ты же сказала, что мы досчитаем ступени до конца, — произнесла она едва слышно.

Тхессая крепче сжала пальцы, чтобы не выдать дрожь. Вчера Тэла считала ступени по её просьбе. «Досчитай до убежища», — сказала принцесса. А теперь не знала даже, жива ли девочка.

— Помнишь, сколько было? — спросила принцесса.

— Двадцать девять.

— Молодец. Значит, начнём с тридцатой.

— Ваша Высочество… — прошептал пожилой диверхамец.

Она покачала головой, не давая ему продолжить. Ему было опасно произносить то, что он хотел сказать.

— Я открою первый проход, — сказала она Мор-даркару. — Но никто не уведёт этих двоих. И никаких наказаний для тех, кто остался в нижних камерах.

— Ты торгуешься не с тем, — ответил он.

— Тогда зови своего отца.

Мор-даркар смотрел на неё несколько ударов сердца. Затем поднял браслет связи и произнёс несколько коротких слов. Над ним вспыхнуло изображение Даркара.

— Она согласна открыть защитные ворота дороги к кратеру, — сказал Мор-даркар. — Требует гарантий пленникам.

— Ты можешь дать ей гарантии, — ответил властитель.

— Какие именно?

— Те, которые не помешают выполнить приказ.

Связь погасла.

Мор-даркар вновь посмотрел на неё.

— Они останутся там, где стоят, пока ты не откроешь ворота.

— Это не обещание безопасности, — сказала Тхессая.

— Это всё, что ты получишь, — отрезал драконiец.

Тхессая не верила ни ему, ни Даркару, ни хранителю. Но ребёнок за перегородкой был настоящим, и её страх тоже. Иногда выбор заключался не между свободой и подчинением, а между двумя разновидностями беды.

— Тридцать, — сказала она Тэле.

Девочка неуверенно повторила:

— Тридцать.

И Тхессая позволила увести себя дальше.

К западным воротам дворца их повели не через нижние тюремные переходы, а вверх, к внешней огненной дороге.

Тхессая узнала поворот ещё до того, как увидела знакомую мозаику. Здесь когда-то собирались караваны, отправлявшиеся к святилищам Семи Гор. В дни торжеств по широким лестницам шли паломники; над их головами ветер поднимал длинные ленты с именами предков. Теперь ленты лежали в пыли, а на ступенях стояли вооружённые драконийцы.

Дворец заканчивался впереди, у распахнутых на половину створок. Дальше шла каменная дорога к горам. Но самая дальняя створка, покрытая древними знаками, оставалась неподвижной. Ни один механизм драконийцев не сумел поднять её.

— Выводите меня из тюрьмы? — спросила Тхессая.

— Ведём туда, где ты выполнишь свою часть соглашения, — ответил Мор-даркар.

— Мы ничего не подписывали.

— У тебя слишком большая привязанность к словам.

— А у тебя — к чужой крови.

Он остановился и посмотрел на неё через плечо. Его светло-серая чешуя потемнела у висков, но голос остался ровным.

— С моей стороны этот разговор окончен.

— Жаль. Я почти начала получать удовольствие.

Ксарн, шедший позади Мор-даркара, тихо произнёс:

— В таком случае прошу не забывать, что наслаждение беседой не входит в утверждённый протокол.

— Ксарн, — сказал Мор-даркар, — я не приглашал тебя говорить.

— А я и не начинал. Это было исключительно служебное уточнение.

Драконийский хранитель почтительно наклонил покрытую чешуёй голову. Только Тирн, шагавший с прибором у правого плеча наставника, заметил, как тот сжал тонкие пальцы — знак раздражения, который у драконийских специалистов заменял удар кулаком по столу.

У створки уже ожидал Даркар. Чешуйчатые стражи Драко стояли в два ряда по обе стороны дороги. Ни одного пленника среди них не было.

Ксарн развернул карту северо-западного хребта.

— Здесь Кратер Кровного Слияния. Подступы к нему перекрывают внешние врата Эссарионов. С армией через них не пройти, пока правящий род не откроет путь.

— Даже нашей? — спросил один из офицеров.

— Камень не интересуется, чья армия перед ним, — сухо ответил хранитель.

— Тогда наша армия сегодня узнает, насколько хорошо работают старые предосторожности, — сказал Даркар.

Тхессая прищурилась.

— Даже мои предки не предполагали, что однажды придётся защищать дорогу от собственных союзников.

— Твой отец отказался от нашего предложения, — ответил Даркар.

— Вы пришли с войском. Это не предложение.

Властитель не удостоил её возражение ответом.

Ксарн указал на серебряную полосу, рассёкшую каменные створки.

— Положи на неё руки. Доступ откроется только после подтверждения первичной крови. Это открытие дороги, не сам обряд. Крови мы сейчас не касаемся. — Сколько раз вы собираетесь использовать меня как ключ?

— Пока не научимся обходиться без ключей, — слишком поспешно ответил Тирн.

Ксарн медленно повернулся к помощнику.

— Тирн. Когда я прошу тебя молчать, ты почему-то считаешь это началом научной дискуссии.

— Но вы меня не просили.

— Исправляю упущение.

Тхессая почти улыбнулась. Тирн выглядел искренне озадаченным. Впрочем, улыбка исчезла, как только за дверью донёсся крик: где-то вдалеке драконийцы гнали пленных на восстановление разрушенных переходов.

Она вспомнила Тэлу.

Тридцать. Всего одно число — и столько обещаний.

Тхессая подошла к воротам, прикоснулась к серебристой полосе и закрыла глаза.

Тепло возникло не сразу. Зато странный ритм за стеной повторился — один долгий толчок, два коротких.

Она почувствовала, будто камень прислушивается к её дыханию. Непрошеное шипение скользнуло по языку: сс... шш... затем тонкая дрожь, похожая на жужжание, но глубже любого звука, который она умела издавать.

Драконийский стражник за её спиной шумно втянул воздух. Мор-даркар поморщился и прижал ладонь к шее. Один из драконийских специалистов выронил измерительную пластину.

Врата задрожали. Высоко над их верхним краем вспыхнул золотой круг. Створки разошлись, открывая тёмную дорогу, уходящую из дворца к далёким вулканам.

Тхессая отняла руки.

— Это... — начал Тирн.

— Не произноси слово «невозможно», — оборвал его Ксарн.— Оно сегодня уже трижды оказалось неточным.

Но глаза учёного не отрывались от принцессы. На прозрачной пластине, куда он тайком перенёс запись её голоса, светилась третья линия, не похожая ни на один из известных ему языковых узоров.

Даркар вышел на дорогу первым.

— Кратер подготовить. Наследницу доставить без повреждений. Никому не покидать святилище без моего приказа.

Мор-даркар последовал за отцом. Он не видел, как Ксарн незаметно коснулся шва на наручном приборе. Маленькая точка, до этого белая, стала синей.

Тирн увидел.

— Это тот самый сигнал? — прошептал он.

— Какой именно?

— Который не следует называть сигналом. — Ты начинаешь понимать устройство нашей дипломатии, — ответил Ксарн.

До Кратера Кровного Слияния было несколько часов пути даже на скоростных военных гравиплатформах. За пределами дворца Тхессая не узнавала родные дороги: над провалами ещё висели обломки огненных мостов, а золотое покрытие переходов местами потускнело от осадного жара.

Тхессаю везли в закрытом транспорте с прозрачными боковыми пластинами. С одной стороны сидел драконийский стражник в тяжёлой броне; с другой — хранитель Тирн с устройством контроля её браслетов. Когда гравиплатформа пересекала грубые швы на дороге, его вытянутая чешуйчатая голова опасно покачивалась.

— Вы можете закрепить голову ремнём? — спросила Тхессая, не удержавшись.

— У нас нет отдельного ремня для головы, — серьёзно ответил Тирн. — Мы рассчитывали на плавность хода.

— Планируете когда-нибудь пересмотреть этот расчёт?

— Теперь, вероятно, да.

Стражник Драко недовольно ударил когтями по рукояти оружия.

— Замолчать обоим.

Тирн выпрямился. — Прошу отметить, что разговор начала пленница.

— И закончила тоже она, — сказал дракониец.

— В таком случае у меня нет возражений.

Он старательно отвернулся к окну, но через несколько минут всё-таки подвинул измеритель так, чтобы Тхессая могла видеть карту. На ней девять мелких серебряных окружностей двигались вокруг чёрной точки, расположенной далеко впереди.

— Ты никогда там не была? — спросил хранитель.

— В Кратере Кровного Слияния? Нет. Меня не допускали к обрядам до вступления в права наследницы.

— А твоя мать?

Тхессая вскинула голову.

— Что ты знаешь о ней?

Тирн замялся.

— Лишь общедоступные сведения. Королева Сьерра прошла запечатление с Каэрианом Эссарионом. Её кровь принадлежит иной древней линии. Прецедент чрезвычайно интересный.

— Она не «прецедент», — резко сказала Тхессая.

— Для тебя — нет. Для истории смешения крови — да.

Стражник снова ударил когтями по оружию.

Тирн умолк окончательно.

Горы скользили за прозрачной стенкой. Тхессая вспомнила, как Сьерра учила её двум языкам: эссарийскому, языку отцовской династии, и элхарину, родному языку матери. Каэриан требовал точного произношения законов; Сьерра смеялась, когда Тхессая путала два похожих слова. «Шэфира», — звала она после уроков, приглаживая дочери волосы. Это короткое слово Тхессая помнила лучше всех длинных формул.

Сейчас Тхессая отдала бы всё, чтобы услышать его снова.

Впереди показался кратер.

Он был столь огромен, что сперва казался отдельной долиной, окружённой чёрными вершинами. На крутых склонах лежали пласты старой лавы, затвердевшие уступами, и тонкие белые ручьи пара поднимались между ними. В середине, на площадке из гладкого тёмного камня, стоял Алтарь Слияния.

Не зал, не храм и не дворец. Над святилищем не было крыши. Над святилищем простиралась чёрная безоблачная высь. Красная звезда освещала камень Алтаря тусклым, тревожным светом. Девять серебристых колец висели прямо в воздухе — каждое на иной высоте, каждое под своим углом. Издали они напоминали части разбитой короны, которые никто так и не сумел собрать. Под ними лежал широкий круг из чёрного стекловидного камня с двумя светлыми отметками, разделёнными узким каналом.

Тхессая никогда не видела этого места, но ощутила странное узнавание. Золотые линии на её руках одновременно вспыхнули. Камень дал короткий ответ.

Один долгий толчок. Два коротких.

Сюда её вели не впервые, подумала она. Может быть, не её — её кровь.

На верхнем ободе кратера драконийские дозоры выставили три ряда охраны. Мор-даркар распорядился поставить тяжёлые орудия возле единственной прямой дороги, ведущей к пло-

щадке. Войско Драко предпочитало встречать угрозу в лицо: крепкая броня, мощные корабли и приказ, который слышно даже в реве лавы.

Над Кратером Кровного Слияния стоял тяжёлый жар. Драконийцы выставили посты на всех тропах; у внешних уступов установили наблюдательные приборы. Никто не рассчитывал на нападение. После падения Диверхама властитель Заркатрона привык считать каждую чужую попытку сопротивления безнадёжной.

Но высоко над кратером несколько точек, неразличимых с поверхности, изменили направление. Никто в святилище не заметил этого.

Когда Тхессаю привели к Алтарю Слияния, Мор-даркар уже стоял на одной из светлых отметок. Он снял тяжёлые наручи, обнажив покрытые чешуёй предплечья. В нескольких местах чешую пересекали старые рубцы. Словно желая подчеркнуть превосходство, он не смотрел на принцессу, пока та приближалась.

Даркар расположился выше, на каменном выступе, с которого были видны кольца, площадка и подходы к кратеру.

Он выглядел не гостем древнего святилища, а тем, кто заранее решил объявить себя его владельцем.

— Подойди к отметке, — произнёс Мор-даркар.

— Ты уже приказал. Неужели тебе нужно повторить?

— Я могу приказать стражникам.

— Попробуй. Возможно, им понравится, что ты не способен справиться даже с собственной церемонией.

Мор-даркар рванулся к ней. В тот же миг раздался голос отца:

— Назад.

Старший сын остановился, едва сдерживая ярость.

— Она оскорбляет мой род!

— Наш род, — холодно исправил Даркар. — И если ты прольёшь её кровь прежде времени, оскорбление окажется последней из твоих забот.

Ксарн приблизился к Алтарю, держа прозрачную пластину. Он не поворачивался спиной к Даркару дольше необходимого.

Ксарн указал на два пустых углубления.

— Напомню: рука каждого — только собственная. Сначала Мор-даркар, потом принцесса. Упадут обе крови — запечатление начнётся сразу.

— Даже если она сопротивляется? — спросил Даркар.

Ксарн сдвинул пластину, словно надеялся найти на ней иной ответ.

— Алтарь видит кровь, властитель. Не намерения.

— Значит, после второй крови уже не будет промедления? — спросил Даркар.

— Не будет. Остановить начавшееся запечатление мы не сумеем.

— Значит, она возьмёт лезвие и сделает надрез, — сказал Даркар.

— Если захочет сама, — ответил Ксарн. — Чужая рука может пролить кровь, но не заключить союз.

Мор-даркар зло усмехнулся:

— Тогда убедите её поскорее.

— Но её руку никто не вправе направлять вместо неё, повелитель, — произнёс Ксарн. — Иначе второе углубление останется без нужной крови.

Даркар долго смотрел на хранителя.

— В ваших расчётах, Ксарн, есть один недостаток.

— Какой именно, властитель?

— Вы наблюдаете за кровью и забываете наблюдать за тем, ради чего существо готово её отдать.

Он повернулся к своей личной охране. Это были не учёные и не рядовые стражи Драко; двое высоких чешуйчатых воинов в матовых плащах стояли у узкого прохода, не отмеченного на картах драконийских специалистов.

— Приведите пленницу.

Тхессая нахмурилась.

— Какую ещё пленницу?

Даркар не ответил.

Ксарн встретился взглядом с Тирном и почти незаметно кивнул. Они знали, кого должны привести к Алтарю. Когда на лестнице послышались шаги пленной королевы, Тирн опустил глаза; Ксарн проверил, чтобы его измерительная пластина не дрожала в руках.

Из-за скалы вывели женщину.

Её церемониальное одеяние было разорвано на плече. На запястьях темнели следы удерживающих колец. Перламутровая кожа казалась серее обычного, но вдоль шеи ещё мерцали едва заметные фиолетово-золотые линии. Тёмные волосы сбились на одну сторону лица. Женщина споткнулась, и один из стражников подхватил её под локоть — не из жалости, а чтобы не дать упасть.

Тхессая перестала слышать ветер.

— Мама?..

Женщина медленно подняла голову.

Фиолетово-янтарные глаза встретились с золотыми глазами дочери. — Тхессая!

Это был голос Сьерры. Настоящий. Живой. Уставший до хрипоты, но несомненно её.

Тхессая бросилась вперёд. Металлические браслеты ожгли руки, заставив остановиться в нескольких шагах.

— Мама! Где ты была? Я думала... Они сказали...

— Шэфира, — выдохнула Сьерра на элхарине, древнем языке своего рода. — Я здесь.

Тхессая не успела коснуться матери. Один из телохранителей Даркара положил на плечо королевы тяжёлую когтистую ладонь и отвёл её к краю Алтаря.

— Не трогай её! — крикнула принцесса.

— Пока её только удерживают, — ответил Даркар. — Всё зависит от твоего поведения.

Тирн проверил показания на своей пластине и наклонился к Ксарну.

— Королева в сознании. Показатели устойчивы, — негромко доложил он.

— Продолжайте наблюдение, — приказал Даркар.

Ксарн не сразу отвёл взгляд от матери и дочери.

— Властитель, мы знаем, зачем вы привели Сьерру, — сказал Ксарн. — Но Тхессая может отказаться даже под угрозой. Тогда никакой печати не будет.

— Я это понимаю, — холодно отозвался Даркар. — Следите за механизмом. Остальное я решу сам.

Тирн опустил голову к прибору. Ксарн подчинился. Ему было ясно: едва Тхессая сама прольёт кровь в своё углубление, Алтарь соединит обе линии без промедления.

Сьерра оглядела кольца над кратером и встретилась взглядом с дочерью.

— Не делай этого, — сказала она.

— Мама, я вытащу тебя отсюда.

— Послушай. Кровь, однажды запечатанная, не возвращается прежней. Ни твой отец, ни я не могли бы отменить своего союза, даже если бы захотели.

— Зато я могу отменить приказ Даркара, — сказала Тхессая, стараясь говорить храбро.

— Нет. Только свой выбор. И его ты обязана сохранить.

Даркар слегка поднял руку. Стражник Драко достал короткий клинок и приставил его к шее Сьерры.

Тхессая вскрикнула, но звук словно застрял у неё в горле.

— Я оставил твою мать в живых, — сказал Даркар. — Не из милосердия. Мне было необходимо дождаться момента, когда её жизнь станет для тебя важнее твоей гордости.

— Она никогда не была моей гордостью! — выкрикнула Тхессая. — Она моя мать!

— Тогда ты меня поняла.

Сьерра не двинулась. Только её пальцы сжались так, что побелели суставы.

— Кровь моей дочери тебе не принадлежит, Даркар. И не будет принадлежать.

— Твоя печать уже существует. Мне от тебя ничего не нужно.

Даркар кивнул на лезвие перед Тхессаей.

— Только одно движение её руки. Уговори.

Ксарн нервно провёл пальцами по прибору. В древних записях всё было однозначно: чужая рука не могла совершить обряд за наследницу. Но если Тхессая сама сделает надрез и её кровь упадёт в золотое углубление, Алтарь сразу соединит обе линии, не разбирая, что заставило её решиться.

— Властитель, — осторожно начал хранитель, — как только она прольёт кровь, обратного пути не будет.

— Именно этого я и добиваюсь, — ответил Даркар.

Мор-даркар перевёл взгляд со Сьерры на принцессу. Он знал, что королеву приведут к Алтарю, но не ожидал, что Тхессая едва сможет удержаться на ногах при виде матери.

— Она всё равно откажется, — бросил он отцу.

Даркар не удостоил сына взглядом.

— Займи своё место.

Мор-даркар отступил на светлую отметку. Перед ним из тёмного камня поднялась узкая подставка, на которой лежало короткое ритуальное лезвие. Рядом находилось неглубокое углубление, обведённое тёмно-зелёной линией. Второе, с золотой каймой, ожидало Тхессаю по другую сторону Алтаря.

Девять серебристых колец над площадкой пришли в движение.

— Начинай, — приказал Даркар сыну.

Мор-даркар снял с подставки лезвие. Ни один стражник не придерживал его руку, никто не подсказывал, что делать. Он повернул покрытое чешуёй предплечье внутренней стороной вверх и без колебаний провёл остриём по коже.

Тхессая невольно задержала дыхание.

На тёмной чешуе выступила густая, почти чёрная в красном свете кровь. Мор-даркар самостоятельно поднёс руку к первому углублению. Одна капля сорвалась вниз. За ней вторая и третья.

Камень отозвался низким гулом. В углублении загорелось тёмно-зелёное сияние, а одно из серебристых колец повернулось к Мор-даркару. Его кровь была принята. Но соединения ещё не произошло.

Он отложил лезвие, и хранитель подал чистое — для наследницы.

— Теперь её очередь, — сказал Даркар.

Ксарн поставил лезвие на край золотого углубления. Он не передавал его стражникам и не приближался к Тхессае. — Наследница должна сама взять лезвие и сделать надрез, — напомнил он. — Как только кровь попадёт во второе углубление, Алтарь немедленно начнёт запечатление.

— Она слышала, — отрезал Даркар.

Тхессая не притронулась к лезвию. Оно лежало на самом краю золотого углубления — маленькое, почти безобидное. Столько воинов погибло за Диверхам, а теперь судьба её народа зависела от надреза длиной в ноготь. Она перевела взгляд с лезвия на мать и убрала руки за спину.

Сьерра попыталась приблизиться.

— Шэфира, не надо, — произнесла она на элхарине, древнем языке своего рода. — Ты ничего им не должна.

Стражник удержал королеву за плечо. Даркар едва заметно указал на клинок у её горла.

— Выбирай, — произнёс он, обращаясь к Тхессае. — Твоя кровь или её жизнь.

Тхессая почувствовала, как внутри поднимается ярость. Перед глазами возник отец у Северного Очага. Она помнила, как рухнула на колени после его гибели, как звала его сквозь слёзы. Теперь Даркар стоял перед ней и хотел заставить собственными руками отдать ему последнее, что осталось от отцовской династии.

Золотые прожилки под её перламутровой кожей вспыхнули. Обе янтарные радужки осветились, и в каждой отчётливо проступило внутреннее кольцо.

— Она не двигается, — заметил Мор-даркар. — Подождём, — сказал Ксарн. — Пока она сама не сделала надрез, второе углубление останется пустым.

В зелёном углублении темнела кровь Мор-даркара. Золотое по-прежнему оставалось пустым.

Тхессая ещё не успела прикоснуться к лезвию.

В эту секунду над кратером раздался незнакомый высокий гул. Колебание прошло по площадке, заставив серебристые кольца тревожно дрогнуть. Тхессая вскинула голову.

— Что происходит? — резко спросил Даркар.

Тирн взглянул на измерительную пластину.

— Посторонние корабли. Они уже над нами!

На Алтарь упала длинная серебристая тень.

На фоне тёмной выси возник серебристый корабль. Не драконийский: его гладкий корпус не имел швов, крыльев или тяжёлых посадочных опор. За первым появился второй, потом третий. Лучи их устройств бесшумно полоснули воздух, и часть охранной стены осыпалась светлой пылью.

— Кто посмел?!— рявкнул Мор-даркар, поворачиваясь к чужим кораблям.

Тхессая увидела, как из раскрытого шлюза опустились худые фигуры. Непропорционально большие головы, узкие плечи, тонкие пальцы и огромные чёрные глаза. Под сероватой кожей едва угадывались тёмные линии.

Тхессая никогда не видела подобных существ и не слышала о них при дворе. Это были не воины Даркара.

Один из них поднял руку. Между длинными пальцами сверкнула пластина. Стражники Драко застыли там, где стояли, словно невидимая сила разом отняла у них движение.

— Наследница первичной крови подтверждена, — сказал серый гуманоид голосом, в котором почти не было выражения. — Перевозка начинается.

Тхессая отскочила. Без Грома и Щита предплечья казались незащищёнными, но тело по-прежнему помнило уроки оружейных мастеров. Она ударила первого нападавшего в горло, перехватила руку второго и бросила его через бедро. Третий едва успел поднять свою пластину.

— Восемь секунд активного сопротивления, — произнёс он. — Выше прогнозируемого.

— Посчитай ещё, — процедила Тхессая и врезала ему коленом.

Вспышка ударила снизу. Её ноги на мгновение стали чужими. Тхессая попыталась подняться, но серые сомкнулись вокруг неё и набросили тонкую прозрачную сеть. Нить к нити, сеть стянулась вокруг локтей, не причиняя боли и не позволяя шевельнуться.

— Мама! — крикнула она.

Сьерра рванулась следом, но драконийцы уже перекрыли проход. На мгновение между ними возникла золотистая вспышка. Тхессая увидела лишь лицо матери за чужими плечами — и свет погас.

В следующую секунду её втянули в серебристый корабль. За шлюзом закрылась прозрачная перегородка, и гул внешнего мира исчез.

Внутри корабля серых всё было слишком ровным. Свет исходил из самих стен, потолок не отбрасывал теней, а пол не содрогался от движения. Тхессая стояла между двумя захватчиками, стараясь угадать, куда её везут. Ни окна, ни щели, ни малейшего представления о расстоянии до Диверхама.

Перед ней остановился серый, чья грудь была закрыта прозрачной пластиной с бегущими точками.

— Меня зовут Грисс, — произнёс он. — Я отвечаю за сохранность редких биологических линий.

— Тогда ты ошибся, — сказала Тхессая. — Я не образец в твоём хранилище.

— Не образец. Последняя доступная носительница одной из древнейших кровей.

— И этим ты оправдаешь похищение?

— Для начала— объясню его. Драконийцы стремятся запечатать вашу кровь с одной линией. Нашему народу необходимо исследовать, что произойдёт, если её соединить с другой.

— Великолепно. Меня крадут ради того, чтобы потом спорить, кто имеет право меня продать. Грисс моргнул. Его помощник, более молодой серый по имени Орт, подался вперёд с измерительной пластиной.

— Почему вы злитесь? — спросил Орт. — Мы же не успели причинить вам вреда.

— У тебя удивительно длинный список вещей, которые ты ещё не успел сделать, — ответила Тхессая.

Орт взглянул на Грисса, ожидая помощи в толковании. Тот только убрал пластину.

— Алтарь не получил её крови, — произнёс старший серый с досадой. — Драконийцы упустили момент. Теперь она на нашем корабле.

— Поздравляю, — сказала Тхессая. — Вы тоже решили, что я принадлежу тому, кто сумеет меня схватить.

Корабль качнулся. Не сильно, едва заметно, но серые немедленно замолчали. По стене побежали серебристые предупреждающие знаки.

— Неопознанное сближение, — сообщил Орт.

— Драконийцы? — спросила Тхессая.

— Нет, — ответил Грисс, и впервые в его голосе прозвучал страх. — Это хуже.

Снаружи что-то ударило по кораблю. Стена коридора стала прозрачной, и принцесса увидела вместо звёзд три узких чёрных судна, соединённых тонкими белыми полосами света.

— Кто они? — спросила она.

Грисс не ответил. Второй удар погасил половину огней. Орт бросился к панели, а Тхессая, воспользовавшись замешательством, резко развернулась, вырвала одно предплечье из ослабевшей сети и ударила сопровождавшего её серого. Тот врезался в стену. Но двери уже перекрылись, не оставляя пути к спасению.

За стеной появилась тонкая белая трещина. Она расширилась бесшумно, словно сам воздух разошёлся на части.

Из разлома вышли трое в узких тёмных доспехах. На их лицах были гладкие маски без единого просвета для глаз. Ни выражения, ни даже очертаний настоящих лиц под ними нельзя было разобрать. Только серебряные знаки на масках на мгновение вспыхивали в свете аварийных ламп.

Они не переговаривались. Первый оказался за спиной вооружённого серого прежде, чем тот успел поднять оружие. Второй проскользнул под лучом и одним коротким движением вывел из строя панель управления.

Третий замер возле двери, уже прикрывая путь отступления. Их действия были столь точны, будто каждый заранее знал, где в следующую секунду окажутся остальные.

Серые открыли огонь. Один из незнакомцев упал на колено, но даже не вскрикнул. Другой заслонил его, не нарушая строя. Через миг раненый снова поднялся.

— Саэриты... — процедил Грисс.

Ответа не последовало.

Незнакомец с серебряной отметкой закрытого глаза на груди остановился перед Тхессаей. — Тхессая Эссарион. Следуй за нами.

— Вы хотя бы попробуете назвать себя прежде, чем похитите меня второй раз?

— Мы Саэриты.

— И для чего я вам?

— Нам приказано доставить тебя.

— Кому?

— Тебе не разрешено знать.

Тхессая посмотрела на неподвижную маску.

— И вы никогда не задаёте вопросов тем, кто отдаёт вам приказы?

— Мы служим своим правителям, — ответил Саэрит. — И исполняем их волю.

— Разумеется, — пробормотала она. — Почему бы кому-то наконец не ответить честно?

Она бросилась в сторону, рассчитывая пробраться к шлюзу, но Саэрит уже перегородил путь. Его движения не были похожи на драконийские: вместо грубой силы — холодная точность и почти полное отсутствие звука. Он не пытался ударить её, только разворачивал перед ней непреодолимые грани света. Дважды Тхессая почти прорвалась, и дважды путь исчезал в последнюю секунду.

— Я не пойду с вами добровольно, — заявила она.

— В твоём положении это не требуется.

— Тогда запомни, что я этого не забуду. Саэрит приложил ладонь к белому разлому. На миг Тхессая заметила длинные пальцы, прежде скрытые под перчаткой. За его спиной открылся переход к другому кораблю. Принцесса ещё успела увидеть, как Грисс пытается вернуть управление судном, а Орт смотрит ей вслед с неподдельным недоумением.

Потом переход сомкнулся.

⁂

У опустевшего Алтаря Крови стояла мёртвая тишина.

В первом углублении ещё мерцала кровь Мор-даркара. Второе оставалось совершенно пустым. Тхессая так и не успела взять ритуальное лезвие и сделать надрез. Девять серебристых колец замерли, не создав общей печати.

Сьерру увели под усиленной охраной. Ни она, ни Даркар, ни стоявшие в кратере воины не знали, что в эту минуту происходило на борту серебристого корабля серых. Все они видели одно: чужаки ворвались прямо к Алтарю и увели Тхессаю у них на глазах.

Даркар стоял неподвижно, глядя на пустое углубление. Его светло-серая чешуя потемнела вокруг массивных надбровий. Когти медленно сжимались на каменном краю Алтаря, пока под ними не прошла первая трещина.

— Повелитель, — осторожно произнёс командир стражи, — за серыми отправить погоню?

Даркар не обернулся.

— Ты спрашиваешь меня, нужно ли преследовать тех, кто похитил наследницу? — Я лишь хотел уточнить приказ…

— Уточнить? — Даркар резко повернулся. — Враги проникли в охраняемый кратер, остановили обряд, забрали принцессу прямо из-под ваших носов! А ты ещё ждёшь уточнений?!

Командир упал на одно колено.

— Властитель, они применили неизвестное оружие. Наши защитные установки…

— Меня не интересует, что они применили! Меня интересует, почему у них получилось!

Его рёв ударился о своды кратера. Ближайшие воины невольно отступили. Даркар взмахнул рукой, и каменный выступ рядом с ним раскололся на две части.

— Я завоевал миры, чьи армии были сильнее ваших! Я сокрушал крепости, которые считались неприступными!

И сегодня горстка серых существ выставила нас посмешищем у собственного Алтаря!

Он вдруг замолчал и медленно перевёл взгляд на старшего сына.

Мор-даркар стоял в нескольких шагах. На руке, которой он собственноручно пролил кровь, темнел свежий надрез. Его лицо оставалось бесстрастным. Он наблюдал за отцом без страха и без видимого беспокойства.

— А ты, — тихо произнёс Даркар.

Мор-даркар поднял глаза.

— Что, отец? — Что?! — Даркар приблизился к нему. — У тебя из-под носа украли невесту! Наследницу Эссарионов! Ту, ради чьей крови мы пришли сюда! А ты даже глазом не повёл!

— Обряд не завершён, — ровно ответил Мор-даркар. — Следовательно, она ещё не моя супруга.

Молчание стало почти осязаемым.

— Ты сейчас решил объяснить мне Закон Крови? — спросил Даркар.

— Я лишь констатирую факт.

— Факт? — Даркар оскалился. — Факт в том, что твоя кровь уже лежит в Алтаре, а её кровь — нет! Факт в том, что серые увезли Тхессаю, пока мой старший сын стоял и смотрел!

— Я не мог предвидеть их нападения.

— Тогда следовало действовать, когда они появились!

Мор-даркар не отвёл взгляда.

— Мы ещё можем вернуть наследницу.

— Можем? — Даркар резко приблизился, почти касаясь лбом сына. — Ты говоришь об этом так, словно у тебя украли не предназначенную тебе невесту, а неудачную партию оружия.

— Её чувства ко мне не имеют значения для нашего замысла.

— Мне не нужна твоя нежность! — взревел Даркар. — Но мне нужен наследник, который способен удержать то, что ему доверено! Он отступил, с тяжёлым шумом втянул воздух и повернулся к командирам.

— Все корабли — в погоню. Перекрыть переходы. Проверить каждый маршрут, по которому могли уйти серые. Их судно должно быть обнаружено. Тхессаю вернуть живой и невредимой.

— А если они успели покинуть этот мир? — спросил один из офицеров.

Даркар поднял голову к пустой чёрной выси.

— Тогда мы пойдём за ними. Хоть на край известной вселенной.

Он снова взглянул на Мор-даркара.

— Ты останешься здесь, пока я не решу, достоин ли ты исправить собственный позор.

Лишь на мгновение в глазах старшего сына вспыхнула холодная ненависть. Но голос его не изменился.

— Как прикажешь, отец.

Даркар отвернулся. Его больше занимало пустое углубление Алтаря: пока туда не попала кровь Тхессаи, запечатления не произошло. Весь его замысел оставался возможным — но теперь наследница была у врага.

⁂

На корабле Саэритов не было ни одного окна. Тхессая стояла в коридоре, прислушиваясь к ровному гудению невидимого двигателя. На её запястьях снова закрепили удерживающие обручи, но она уже запомнила шаги охраны, их повороты и паузы между открытиями дверей. Все сопровождавшие её воины носили маски. Ни один не снял свою даже после того, как двери за пленницей закрылись. Тхессая так и не увидела ни одного настоящего лица.

Отняв у неё Гром и Щит, драконийцы лишили её оружия. Но не отняли умения сражаться и способности замечать слабые места противника.

— Тебе лучше перестать искать выход, — сказал Саэрит с серебряной отметкой закрытого глаза на груди.

— Тогда перестаньте запирать двери, — ответила она.

Он не отреагировал.

Тхессая опустила глаза на узкую светящуюся линию пола. Один долгий толчок. Два коротких. Тот самый ритм, которым отзывался Диверхам, возник снова — теперь словно внутри её собственной крови.

Она не знала, где находится, что нужно Саэритам и сумеет ли когда-нибудь вернуться домой. Но одно решила твёрдо: ни серые, ни Саэриты, ни сам Даркар не получат от неё подчинения.

А пока следует наблюдать. Запоминать. Ждать ошибки.

И однажды — бежать.

ГЛАВА 3

Побег в неизвестность

Тхессая насчитала семьдесят четыре удара собственного сердца, прежде чем заметила глаз.

Он находился высоко, под самым потолком, в месте, где гладкая стена корабля переходила в изогнутый свод. Крохотный чёрный кружок почти не отличался от окружающей поверхности. Но каждый раз, когда принцесса меняла положение, внутри него вспыхивала тончайшая серебряная искра.

Она подняла голову. Искра исчезла.

Тхессая опустилась на край узкой лежанки. Искра появилась снова.

— Значит, любуетесь, — пробормотала она.

Ответа не последовало. На корабле Саэритов вообще предпочитали молчание. Ни криков охраны, ни грохота сапог, ни привычных команд. Даже за дверью, куда её привели несколько часов назад, не слышалось ни единого шага. Если бы не глухое пульсирование двигателя, можно было бы решить, что корабль вымер.

Но он не вымер. За ней наблюдали.

Узкое помещение было лишено окон. Дверь не имела ручки, зато вдоль её края тянулся светящийся шов. На запястьях Тхессаи всё ещё оставались удерживающие обручи. В отличие от Грома и Щита, которые драконийцы забрали у неё на Диверхаме, эти обручи не подчинялись её крови. Стоило слишком широко развести руки, и они болезненно стягивались.

Принцесса испытала их лишь однажды. Второго раза ей не захотелось. Но она запомнила другую подробность: когда охранник проверял замки, он подносил к одному из обручей узкую пластину на своём предплечье. Браслеты отвечали коротким сигналом. Значит, кто-то мог ими управлять.

Она легла на спину и уставилась в потолок. Чёрный кружок незаметно повернулся за ней.

Живой я им нужна больше, чем свободной.

Мысль была неприятной, но полезной.

Саэриты не стреляли по ней даже тогда, когда она царапала им броню и кусалась. Один из них получил удар в горло и лишь перехватил её руки крепче. Кто-то настойчиво приказал доставить её живой.

За стеной послышался слабый щелчок.

Тхессая закрыла глаза.

— …доставка займёт больше времени, — произнёс приглушённый голос.

Второй ответил ещё тише. Слова почти утонули в гуле двигателя.

Тхессая повернула голову, будто устраиваясь удобнее. Над лежанкой обнаружилась вентиляционная решётка. Оттуда доносились голоса. Она осторожно придвинулась ближе.

— После нападения на серых маршрут раскрыт, — сказал первый. — Придётся пройти под покровом лесного мира и сменить коридор выхода.

— Пленница остаётся под наблюдением?

— Непрерывным. Она должна прибыть живой.

— Первая Владычица ждала слишком долго.

Тхессая задержала дыхание.

— Ты уверен, что кровь наследницы вернёт её? — спросил второй.

— В архивах говорится, что только первичная кровь Эссарионов способна запустить пробуждение.

— А если записи ошибаются?

— Наши правители не допустили бы эту операцию, не проверив всё, что можно проверить.

В словах не было сомнения. Не было и восторга. Саэриты произносили имя своей Первой Владычицы с холодным благоговением — так, будто речь шла не о надежде, а о долге, который следовало исполнить любой ценой.

Тхессая прижала ладонь к больному боку.

— Даже имени её не знаю, — прошептала она. — А меня уже решили отдать ей.

— А серые? — спросил второй. — Вы получили их записи?

— Часть. Грисс намеревался клонировать кровь наследницы.

— Не просто взять образец?

— Нет. Воспроизвести её снова и снова. Создать запас, который не зависит от жизни одной носительницы. Их лаборатории уже подготовили первую матрицу.

Тхессая медленно сжала кулаки.

Даркару требовалась новая династия. Серым — её кровь и возможность размножить древнюю линию. Саэритам— погибшая владычица, которую они надеялись вернуть. Тхессая пересчитала на пальцах три чужих замысла и стиснула кулак. Для её собственного решения места в этом списке никто не оставил.

Тхессая прижалась к стене, пытаясь услышать, какие ещё решения эти незнакомцы успели принять за неё.

— Грисс мог далеко зайти, — продолжал первый голос. — Если серым удастся сделать копию, они перестанут нуждаться в наследнице.

— Поэтому она останется у нас.

— Поэтому её нельзя потерять.

Голоса удалились. Остался только размеренный гул вентиляции.

Тхессая долго не двигалась. Потом медленно повернулась так, чтобы серебряный глаз под потолком видел её лицо.

Нельзя потерять? Посмотрим.

⁂

Саэрит, наблюдавший за пленницей, заметил, что она легла на бок, прижав колени к груди.

Несколько минут ничего не происходило.

Потом Тхессая соскользнула с лежанки.

Сначала одно колено коснулось пола, затем плечо. Она попыталась ухватиться за край ложа — и обмякла. Тёмные волосы закрыли лицо. Золотые прожилки под перламутровой кожей потускнели.

Наблюдатель приблизил изображение.

Пленница не шевелилась.

— Проверить, — коротко приказал он.

В коридоре разошлись две бесшумные двери. В помещение вошли двое в тёмных доспехах. Оба носили гладкие маски. У первого на груди серебрился знак закрытого глаза — тот самый, который Тхессая видела при похищении.

Он остановился в двух шагах от неё.

— Наследница.

Никакого ответа.

— Тхессая Эссарион.

Второй Саэрит опустился рядом, потянувшись к её шее. Первый держал ладонь у оружия.

Тхессая знала, что ей осталось лишь одно мгновение.

С детства её учили не только сражаться. Придворный наставник повторял: «В поединке опаснее всего тот противник, который перестал казаться опасным». Она никогда не думала, что однажды испытает этот совет на себе.

Она резко открыла глаза.

Саэрит успел отдёрнуть руку, но не успел изменить стойку. Тхессая ударила его плечом снизу, сбила с колен и толкнула всем телом в ноги стоявшего рядом воина. Оба потеряли равновесие.

Первый выхватил короткий клинок. Принцесса вскинула скованные руки и отбила его запястье. Лезвие скользнуло по стене, высекло искры. Она ударила противника лбом в гладкую маску и услышала глухой треск — лопнуло крепление на затылке, но сама маска осталась на месте.

Воин отступил лишь на шаг. Следующим движением он перехватил её предплечья и начал заводить руки за спину. Обручи вспыхнули красным и больно сжались.

— Не сопротивляйся, — глухо произнёс он из-под маски.

— Непременно! — процедила Тхессая и ударила его коленом.

Саэрит пошатнулся, но захвата не ослабил. Зато теперь его предплечье оказалось рядом с её запястьями. На чёрной броне поблёскивала та самая узкая пластина, которой охранники управляли обручами.

Тхессая резко повернулась, обеими ладонями вцепилась в руку противника и прижала металлический браслет к пластине. Раздался резкий двойной писк. На миг она испугалась, что только затянула оковы ещё сильнее.

Но красные огни погасли.

Обручи распахнулись и упали на пол.

Тхессая вырвала руки из захвата и ударила Саэрита локтем в грудь. Тот отступил, тут же возвращая себе равновесие. Второй уже занял проход. Он двигался почти неслышно, быстрее большинства воинов, с которыми ей приходилось сражаться.

Но теперь её руки были свободны.

— Остановись, наследница, — произнёс Саэрит.

— Попробуй.

Он выбросил руку вперёд. Тхессая опустилась на колено, проскользнула под его предплечьем и резко ударила по сгибу ноги. Воин качнулся — всего на мгновение. Принцесса использовала его, чтобы вывернуться в коридор. На бегу она задела локтем светящуюся панель, и створки сомкнулись между ней и преследователями.

— Остановить пленницу, — раздался спокойный голос из стен.

— Попробуйте! — выкрикнула Тхессая и побежала.

Коридор вывел к развилке. На обеих стенах мерцали одинаковые знаки. Тхессая выбрала направление, откуда шёл запах нагретого металла и доносился едва слышный перелив командных сигналов.

За спиной щёлкнул затвор.

В следующую секунду рядом с её головой пронёсся узкий световой обруч. Он ударился о стену и раскрылся сетью. Тхессая едва успела пригнуться. Ещё шаг — и сеть затянулась бы вокруг её плеч.

Она бросилась через боковой проход, налетела на закрытую переборку, упёрлась обеими ладонями в панель. Дверь открылась.

Перед ней оказалась рубка.

Полукруглый штурвал, скорее похожий на парящую над постом световую дугу, висел перед креслом пилота. За прозрачной передней стеной под кораблём простиралась сплошная тёмно-зелёная поверхность джунглей.

Лес поднимался почти до самого корпуса.

Корабль летел очень низко.

Тхессая не успела удивиться. Пилот повернулся к ней — серебряная маска без единой щели. Другой Саэрит возник у двери позади.

— Вернись в камеру, — приказал пилот.

— Сначала открой выход.

— Это невозможно.

— Я не спрашивала, возможно ли!

Она схватилась обеими свободными руками за световую дугу штурвала и резко дёрнула её в сторону. Перед кораблём качнулся горизонт, в рубке раздался резкий сигнал. Пилот мгновенно перехватил управление.

Второй Саэрит прыгнул к ней.

Тхессая пригнулась, позволила ему проскочить вперёд и схватила гибкий ремень, свисавший с кресла. Накинула на его руку и резко потянула. Воин врезался плечом в край поста управления.

Он даже не вскрикнул.

Пилот успел ударить по тревожному знаку. Свет в рубке сменился красным. Корабль снизился ещё немного, уходя под кроны самых высоких деревьев.

Тхессая увидела у бокового прохода изображение раскрытого шлюза. Под ним мигали три символа: закрытая линия, расходящиеся створки и красный круг.

Выход.

Она рванулась к панели.

Пилот прыгнул следом и схватил её за пояс. Тхессая резко развернулась, нанесла удар локтем и вывернулась, оставив в его пальцах оторванную полосу ткани.

Второй Саэрит уже возвращался к ней.

Она ударила ладонью по красному кругу.

Ничего.

— Аварийный шлюз требует подтверждения, — произнёс корабельный голос.

— Какого ещё подтверждения?!

Тхессая ударила по символу расходящихся створок.

Раздался тяжёлый щелчок.

Боковая дверь раскрылась.

В рубку ворвались влажный воздух, зелёный свет и оглушительный рёв джунглей.

Под кораблём мелькали верхушки деревьев. До земли оставалось не меньше двадцати человеческих ростов, но кроны гигантских растений поднимались почти к самому шлюзу.

— От панели! — рявкнул пилот. Его ровный до сих пор голос сорвался на хрип.

Тхессая уже стояла у проёма.

Внизу мелькнула огромная ветвь, покрытая широкими листьями.

Трое Саэритов бросились к ней одновременно. Один успел ухватить её за предплечье. Его пальцы сдавили кожу с такой силой, что Тхессая едва не вскрикнула.

— Ты погибнешь! — произнёс он.

— Тогда передай своим правителям, что я не была их собственностью!

Она ударила ногой по краю шлюза и всем телом рванулась вниз. Рука выскользнула из захвата, оставив на запястье глубокую царапину.

На одно короткое мгновение она повисла в воздухе.

Потом корабль остался наверху.

⁂

Первая ветвь ударила Тхессаю по спине.

Вторая — по плечу.

Она успела прикрыть голову руками, когда её швырнуло в плотную сеть лиан. Те натянулись, словно струны, раздались сухие хлопки— и лианы разорвались. Тхессая провалилась сквозь последние листья и рухнула в заросли огромных мягких папоротников.

Воздух выбило из груди.

Несколько секунд она не могла ни вдохнуть, ни закричать.

Над ней медленно качались исполинские кроны. Где-то высоко мелькнула тёмная тень корабля.

Тхессая попыталась подняться.

Правое плечо прострелило болью. В боку будто застрял раскалённый камень. На бедре проступала кровь, рассечённая ветками ткань липла к коже.

— Только не сейчас, — прошептала она.

С трудом встав на ноги, принцесса сделала шаг. Земля мягко подалась под ступнёй.

И зашевелилась.

Из-под корней выдвинулась широкая мясистая чашечка, по краям которой шевелились крошечные зубцы. Она медленно развернулась к источнику тепла.

Тхессая отскочила. На место, где только что стояла её нога, сомкнулись две толстые створки.

— Прекрасно, — выдохнула она. — Здесь ещё и земля голодная.

Высоко над лесом вспыхнули три узких луча. В воздухе едва слышно просвистели капсулы преследователей.

Саэриты спускались за ней.

Тхессая побежала.

⁂

На Заркатроне в тронный зал вошёл разведчик, которого никто не решался пропустить вперёд.

Он держал пластину перехваченной передачи. На её поверхности повторялся один и тот же отрывок: обрывки речи, помехи, чужой голос, в котором угадывалось тщательно скрываемое отчаяние.

— Говори, — приказал Даркар.

Разведчик опустился на колено.

— Повелитель, обнаружен сигнал с повреждённого корабля серых. Передача принадлежит Гриссу, руководившему захватом наследницы.

— И где этот корабль?

— Координаты ещё уточняются. Но нам удалось восстановить часть сообщения.

На пластине вспыхнула сероватая фигура с огромными чёрными глазами.

«…потеря объекта… нападение Саэритов… наследница перехвачена…»

Изображение погасло.

Даркар не двигался.

— Повтори.

Разведчик побледнел.

— Саэриты атаковали корабль серых. Тхессая теперь у них.

Даркар медленно поднялся с трона.

— Значит, сперва её увели серые. А затем Саэриты забрали её у серых?

— Да, повелитель.

Над троном с треском погас один из световых кристаллов. Даркар сжал подлокотник, и камень рассыпался у него в пальцах.

— Моя наследница Эссарионов, — произнёс он почти шёпотом, — стала добычей, которую передают из рук в руки.

Никто не ответил.

— Вы понимаете, что это значит?!

Он ударил хвостом по каменному полу. От трона до дверей побежала трещина. Воины невольно отступили.

— У моего Алтаря сорвали союз, который готовили поколения! Мой сын позволил увезти назначенную ему невесту! Теперь ещё и Саэриты вздумали решать, кому принадлежит кровь Эссарионов!

Мор-даркар стоял у дальней колонны. После приказа отца он оставался во дворце и ни разу не попросил позволения покинуть его. На лице старшего сына по-прежнему нельзя было прочесть тревоги.

— Не трать время на угрозы, отец, — произнёс он. — Прикажи перехватить их.

Даркар резко повернул голову.

— Когда мне понадобятся советы того, кто не сумел удержать невесту у собственного Алтаря, я тебя позову.

Мор-даркар сжал челюсти, но промолчал.

Даркар вновь обратился к командующим.

— Поднять дальнюю разведку. Проверить переходы Саэритов, их тайные убежища, все миры, где их корабли могли скрыться после боя. Мне нужна наследница. Живая.

— Повелитель, если они уже покинули известные коридоры…

— Тогда найдите неизвестные!

Он спустился с возвышения. Голос стал тише, и от этого присутствующие испугались сильнее.

— Тот, кто вернётся без следа Тхессаи, лишится командования. А если вы потеряете её окончательно…

Даркар обвёл их взглядом.

— Я отрублю вам головы собственными руками. Всем. До последнего.

Разведчик склонился так низко, что коснулся лбом пола.

Никто не осмелился спросить, что будет, если сама наследница не захочет возвращаться.

⁂

Тхессая поняла, что в этих джунглях нельзя бежать прямо.

Деревья стояли тесно, их корни поднимались выше её головы, а между ними натягивались липкие прозрачные нити. На одной такой нити висел скелет крылатого существа размером с небольшой корабельный контейнер. Кости медленно растворялись в жёлтых каплях.

Тхессая обошла нить и едва не наступила на змеевидный стебель, который лениво повернул к ней усеянный шипами конец.

Слева промелькнуло что-то огромное и шестилапое. Существо остановилось, вдохнуло воздух и повернуло к ней вытянутую морду. Вдоль его спины раскрылись костяные пластины.

Принцесса замерла.

Один шаг назад. Другой.

Тварь не нападала. Она прислушивалась к чему-то за её спиной.

Вдалеке сверкнул белый луч.

Зверь взревел и бросился в противоположную сторону, сминая кустарник.

Саэриты.

Тхессая скользнула между корней и вышла к чёрной воде, неподвижной, как стекло. Её отражение было бледным, исполосованным грязью и кровью. Она почти не узнала собственное лицо.

В воду падала широкая ветвь. На ней засох густой смолистый сок, пахнувший горечью. Тхессая заметила, что мелкие насекомые обходят это место стороной.

Она отломила кусок коры и осторожно натёрла соком край порванной ткани. Запах оказался таким резким, что заслезились глаза. Возможно, он скроет запах крови. Возможно — привлечёт что-нибудь ещё хуже.

Выбора не было.

Она пошла по самой кромке воды, стараясь не оставлять следов на рыхлой земле. Несколько раз переходила по выступавшим корням, потом прыгнула на большой камень и оттуда — в заросли.

Преследователи появились у берега через несколько минут.

Два тёмных силуэта.

Они двигались так легко, будто земля не касалась их ступней. Оба были в масках. Один поднял ладонь, и над водой раскрылся веер тонких световых линий.

— След оборвался, — произнёс он.

— Нет, — ответил второй. — Она изменила путь.

Саэрит опустился на одно колено и коснулся мокрого камня.

— Кровь на верхней ветви. Жива. Ранена.

— Приказ прежний. Не причинять дополнительного вреда.

— Она может погибнуть здесь без нашего участия.

— Поэтому мы должны найти её раньше местных хищников.

Они исчезли в зарослях почти без звука.

Из полого ствола Тхессая видела, как в темноте исчезали две одинаковые тени. Попыталась передвинуть плечо и чуть не закричала. Саэриты вернутся. Она вытащила из-под себя сырую ветку и прикрыла ею светлую кожу.

Но ночь ещё только начиналась.

⁂

С наступлением темноты джунгли ожили по-настоящему.

Из чёрной воды выдвигались полупрозрачные щупальца. Над деревьями вспыхивали крошечные красные огни, похожие на звёзды, и тут же гасли, стоило под ними пролететь живому существу. В ветвях кто-то чавкал, скрипел и иногда издавал короткий довольный писк.

Один раз над укрытием Тхессаи прошла тяжёлая тень. Дерево содрогнулось, с коры посыпалась труха. Она прижала ладонь ко рту и не дышала, пока зверь не ушёл.

Потом начался дождь.

Крупные тёплые капли падали на листья с таким грохотом, словно кто-то бросал сверху пригоршни камней. Вода смыла смолу с её пальцев, но принесла облегчение разбитой коже. Тхессая подставила ладонь и напилась, осторожно прислушиваясь к звукам вокруг.

Она не знала, сколько прошло времени. На этой планете не было привычной красной звезды Диверхама, и даже тьма здесь казалась чужой. Сквозь тучи временами проглядывали два бледных светила, но ни одно не помогало понять, близок ли рассвет.

Тхессая прислонилась затылком к сырому дереву.

Перед глазами возникла мать.

Последний взгляд Сьерры сквозь плечи драконийской стражи. Движение губ, которого она не успела разобрать.

И отец на дальней стороне разрушенного моста — золотые прожилки на руках, белое сияние Северного Очага.

— Я жива, — прошептала Тхессая, словно они могли услышать. — Я ещё жива.

— Мама, где же ты? — выдохнула Тхессая. Ответом стал хруст ветки за стволом.

Она прижала ладонь ко рту. От резкой боли в рёбрах выступили слёзы. Тхессая моргнула, стряхнула их и нащупала под мокрой корой острый каменный обломок. Кто бы ни пришёл первым, без сопротивления она себя не отдаст.

И всё же никто не смог заставить её добровольно сделать надрез у Алтаря.

Вспомнив пустое золотое углубление, она впервые за эту страшную ночь почувствовала крошечное облегчение. Пока её кровь не пролилась туда собственноручно, союз с Мор-даркаром не был запечатлён.

Вдалеке прорезался тонкий металлический свист.

Тхессая замерла.

Через минуту свист повторился — ближе.

Саэриты не прекращали поисков.

Она провела остаток ночи без сна. Иногда замирала в дупле, иногда выбиралась наружу, чтобы сменить положение, когда корни начинали шевелиться у неё под ногами. Один раз ей пришлось отбиваться сломанной веткой от растения, которое пыталось обвить её лодыжку. Другой раз — терпеть, пока по стволу прямо перед её лицом проползало существо с десятками прозрачных ног.

Под утро дождь кончился.

Тхессая не знала, сколько сил у неё осталось. Но когда сквозь листву просочился бледный свет, она выбралась из укрытия и пошла дальше.

⁂

Корни вывели её к узкому провалу между двумя исполинскими деревьями. На краю провала покачивались крупные белые цветы с тяжёлыми, влажно блестевшими лепестками. От них тянуло сладким запахом, почти невыносимым после сырости ночного леса.

Тхессая остановилась. Один из цветов медленно повернулся ей навстречу.

Из зарослей за провалом раздался короткий вскрик.

На склоне, запутавшись в толстых лианах, билось невысокое существо в потрёпанном дорожном плаще. Четыре тонкие руки судорожно хватались за стебли. Тхессая не знала, к какой расе оно принадлежит. Видно было только, что оно ещё живо и отчаянно пытается освободиться.

— Держись! — крикнула она, шагнув вперёд.

Но белые цветы раскрылись разом. Из-под лепестков вырвались длинные гибкие усики и обвили пленника.

Его движения сделались медленнее, словно сок растения отнимал силы. Тхессая подняла с земли обломок ветки, однако не успела добежать: вскрик оборвался, четыре руки бессильно повисли.

Она замерла в нескольких шагах. Всё произошло слишком быстро.

И тогда из неподвижного тела поднялось слабое сияние.

Сначала Тхессая приняла его за пар, поднимавшийся над мокрыми листьями. Но свет постепенно обрёл очертания того же существа — только прозрачного, без повреждений и пут. Он смотрел вниз, на своё тело, будто ещё не понимал, что случилось.

Рядом с ним стоял незнакомец.

Тхессая не услышала шагов незнакомца. Его серебристая одежда двигалась, хотя здесь не было ветра. Она старалась запомнить лицо, но стоило взглянуть на лежащее рядом тело, и черты незнакомца словно рассыпались в памяти.

— Твоя дорога здесь завершилась, — негромко произнёс незнакомец, обращаясь к светящейся фигуре. — Я могу проводить тебя дальше.

Существо медленно протянуло к нему руку. Только тогда незнакомец коснулся его пальцев. Сияние дрогнуло и растаяло, словно растворилось в утреннем воздухе.

Тхессая отступила.

— Что ты сделал? — спросила она. — Ты забрал его душу?

Незнакомец повернулся к ней.

— Я никого не забираю силой. Его жизнь оборвалась, и он позволил мне проводить себя.

— Кто ты? И что ты делаешь в этих джунглях?

— Я пришёл за тем, кому понадобилась моя помощь. А теперь вижу перед собой ещё одного путника, хотя его час вовсе не настал.

Тхессая посмотрела на неподвижное тело среди белых лепестков и невольно прижала ладонь к раненому боку.

— Откуда ты пришла? — спросил он.

Голос прозвучал спокойно, будто вокруг не существовало хищных джунглей.

Тхессая не ответила сразу.

— С Диверхама, — сказала она наконец. — Ты так и не назвал себя.

— Что наследница Эссарионов делает одна в таком месте?

Она вздрогнула.

— Ты знаешь, кто я?

— Знаю, чью кровь ты носишь. Но не знаю, почему ты прячешься под корнями, когда твой дом так далеко.

Тхессая устало оперлась о скалу.

— Сначала меня захватили драконийцы на Диверхаме, — выговорила Тхессая. — Потом меня похитили серые гуманоиды. А у серых меня перехватили Саэриты. Я сбежала с их корабля. Они ищут меня. — Она сделала вдох и поморщилась. — Мне нужна помощь. Пожалуйста. Хоть на какое-то время.

Незнакомец посмотрел на её раненое плечо.

— Ты могла погибнуть при падении.

— Спасибо, я заметила.

Он лишь чуть приподнял уголки губ. Тхессая не могла решить, улыбнулся он или просто смирился с её характером.

— Есть место, где тебя не станут искать прежде всего.

— Где?

— Гайя. Её жители называют планету Землёй.

— Я не знаю такой планеты.

— Это одна из земель, находящихся под властью Даркара.

Тхессая резко выпрямилась, тут же схватившись за бок.

— Ты предлагаешь мне укрыться во владениях Даркара?!

— Именно там наследницу Диверхама будут искать в последнюю очередь. Никто из твоих преследователей не ожидает, что ты захочешь прожить обычную человеческую жизнь на Гайе.

— Какую ещё человеческую жизнь?

— Для этого придётся сменить тело.

Тхессая настороженно посмотрела на него.

— Ты предлагаешь мне стать другим существом?

— Родиться заново, — уточнил незнакомец. — Не войти в чужое готовое тело, а получить своё собственное с самого начала. Новое имя. Новую семью. Новую жизнь.

— И забыть всё?

— На время — почти всё. Твоя память уснёт вместе с прежней сущностью. Твоё новое тело будет человеческим.

— А кровь Эссарионов?

— Её первоначальный след не уничтожить сменой тела. Он будет скрыт, но однажды пробудится.

— Значит, ты просто предлагаешь отсрочить охоту.

— Я предлагаю годы, которых у тебя сейчас нет. А что ты сделаешь с ними, решать тебе.

Тхессая опустила взгляд на золотые прожилки на руках. Они едва светились под ссадинами. Как можно оставить всё, что делало её дочерью Каэриана и Сьерры? Как забыть Диверхам?

— Кто ты? — тихо спросила она.

— Хранитель Воплощений.

— Имя это или должность?

— Имён у меня было достаточно. Для тебя хватит этого.

— И ты решаешь, кому умирать, а кому жить?

— Нет. Я не распоряжаюсь чужой волей. Я открываю путь тем, кто выбирает его сам.

— А как ты отправишь меня на Гайю?

— Через Луну.

— Почему именно через Луну? — Тхессая недоверчиво нахмурилась. — Если ты способен открыть путь между мирами, зачем мне ещё один?

Хранитель поднял ладонь. В воздухе возник светящийся шар Луны, а рядом развернулась карта Гайи: моря, материки и сплошное кольцо антарктических льдов. Её границы мерцали; за ледяным поясом проступали земли, о которых люди ничего не знали.

— Потому что ты хочешь не посетить Землю, а воплотиться на ней. Луна для Гайи — больше, чем небесный спутник. Она отмечает циклы. Её свет убывает и возвращается, она помогает отсчитывать время, её движение задаёт ритмы земным водам. Для жителей Земли эти перемены стали образом рождения, ухода и нового начала.

Он повернул серебристый шар.

— Луна всегда обращена к Гайе одной стороной. За другой скрыты Врата Воплощения. Там находится древний механизм, целый корабль, через который души переходят к земному рождению.

— Корабль? Кто его построил?

Хранитель медленно опустил руку. Серебристый шар продолжал вращаться без его помощи.

— Сейчас тебе важнее знать, как пройти через него.

— Ты уклонился от ответа.

— Да.

Тхессая нахмурилась ещё сильнее.

— Значит, ты знаешь.

— Знаю.

— Но не скажешь?

— Не сейчас.

Она хотела возразить, но где-то позади прозвучал почти неслышный щелчок.

Оба обернулись.

Хранитель продолжил, словно ничего не произошло:

— На Луне души принимают решение о новом рождении. Никто не может отправить их на Землю против их воли. Это Закон свободной воли. Души могут выбрать семью, в которой появятся, а могут доверить выбор Вратам. Но согласие на само воплощение всегда должно быть их собственным.

— Мне не нужна подходящая семья, — быстро сказала Тхессая. — Мне нужно спрятаться. Я согласна на любую, лишь бы они меня не нашли.

— Не торопись отрекаться от того, чего ещё не знаешь, — мягко ответил Хранитель. — Новая семья может стать самым дорогим, что будет у тебя в той жизни.

Тхессая вспомнила Сьерру. На мгновение ей стало нечем дышать.

— Отец погиб. А мать жива, но она в плену у драконийцев. Я видела её у Алтаря. Я должна была вернуться за ней.

Тхессая сжала кулак. Она не знала, где держат Сьерру, и не могла помочь ей отсюда. Но отступить к саэритам означало отдать им последнюю возможность что-либо изменить.

Хранитель не стал спорить.

За деревьями мелькнуло тусклое белое сияние. Потом ещё одно.

— Они идут, — прошептала Тхессая.

— Да. Времени осталось немного.

— Если я соглашусь, когда это произойдёт? — спросила Тхессая. — Не через тысячу лет и не «когда будет удобно звёздам». Скажи мне точно.

— Время на Луне подчинено переходам между жизнями. Ты пройдёшь к земному рождению через Врата, когда примешь условия. Для тебя это будет мгновение между двумя существованиями. Но новая жизнь начнётся с младенчества.

— И никто не вспомнит Тхессаю Эссарион?

— Пока твоя кровь спит, охотники не узнают тебя. Но однажды она проснётся. Я не назову тебе дня, которого сам не вижу.

Между корнями появился первый Саэрит. Чёрная маска блеснула в свете бледного утра. За ним выросла вторая фигура.

— Наследница Эссарионов! — прозвучал приказ. — Не двигаться!

Тхессая посмотрела на Хранителя.

Перед глазами мелькнули лицо матери, разрушенный дворец, Алтарь с пустым золотым углублением, чёрный корабль над джунглями.

— Я согласна, — сказала она. — Мне нужно укрытие. Пусть хотя бы на время. Потом я придумаю, как вернуться за матерью.

— Ты выбираешь новое рождение на Гайе добровольно?

— Да!

— И принимаешь, что не сможешь сохранить прежнюю память, пока твоя сущность спит?

Тхессая с трудом проглотила комок в горле.

— Принимаю. Но я надеюсь, что это не навсегда. Только не отдавай меня им.

Один Саэрит уже прыгнул через корень. Его рука протянулась к плечу принцессы.

Хранитель коснулся двумя пальцами её лба.

— Тогда ступай к Вратам.

Мир исчез не со вспышкой и не с громом. Просто лес, мокрая земля и чёрная маска внезапно оказались далеко, словно их отодвинули за прозрачную стену.

Саэрит схватил лишь пустой воздух.

Перед Тхессаей открылся серебряный круг. По его краю медленно проходили знакомые и незнакомые созвездия. За ним сияло голубовато-белое марево Гайи, а ближе, огромная и светлая, висела Луна. Свет Врат скрывал подробности далёких земель.

Она увидела её светлую сторону. Затем — тень, скрывающую обратную.

И в этой тени на мгновение проступил свет от тысяч невидимых дверей.

Тхессая потянулась к ним.

Тхессая сделала шаг. Наручей больше не было; никто не держал её за руки.

ГЛАВА 4

Врата воплощения

Звёзды были под ногами и над головой. Тхессая осторожно перенесла вес на другую ступню, проверяя, удержит ли её прозрачная поверхность.

Тхессая ещё чувствовала на коже память об удерживающих обручах. Запястья словно продолжали болеть, хотя ни обручей, ни ран больше не было. Она сжала пальцы, разжала их и только тогда заметила, что сквозь ладони видны звёзды.

— Нет…

Она подняла руки к лицу. Серебристо-перламутровая кожа оставалась прежней, золотые прожилки бежали по ней знакомым узором, однако края пальцев стали полупрозрачными. За ними медленно двигалось холодное сияние.

Джунгли исчезли. Не было ни влажной земли, ни хищных лиан, ни запаха гниющих листьев. Не было даже боли в разбитом плече.

Перед ней висела Луна.

Она казалась такой огромной, что Тхессая не сразу поняла: это не дальний шар в небе, а мир, к которому она стремительно приближается. Серые равнины пересекали светлые нити хребтов; круглые впадины лежали одна внутри другой, будто кто-то исполинский когда-то касался поверхности раскалёнными кольцами.

Дальше, за серебряным краем, тянулось голубовато-белое сияние Гайи. Сквозь него проступала не сама поверхность далёкого мира, а световая карта, словно Врата уже показывали Тхессае дорогу. Вокруг материков белело антарктическое кольцо; дальше угадывались тени неизвестных земель.

— Я и правда здесь, — прошептала Тхессая.

В ответ раздался голос Хранителя Воплощений. Она не увидела его рядом: слова возникли как мысль, которую произнёс кто-то другой.

— До Земли тебе ещё предстоит добраться. Помни: пройти Врата можешь только ты сама.

— Подожди! — Тхессая резко обернулась. — А что стало с моим телом? Я умерла?

— Нет. Ты добровольно покинула прежнюю оболочку. Она завершила свой путь в переходе и не осталась в джунглях. Твою жизнь не забрали. Ты выбрала новое начало.

— Но если я передумаю?

Ответ пришёл не сразу.

— Пока ты не вошла в последнюю дверь, выбор остаётся за тобой.

Тхессая открыла рот, чтобы задать ещё один вопрос, но серебряный круг вокруг неё сомкнулся. Пространство словно перевернулось, и вместо Земли перед глазами поплыла обратная сторона Луны.

Она ждала увидеть голые скалы.

Сначала так и было.

Тёмные уступы. Пепельно-серые поля. Огромный кратер, наполненный тенями. Потом вдоль края кратера один за другим зажглись крохотные огни. Они складывались в окружности, уходили под поверхность, расходились снова. Поверхность не треснула и не раздвинулась; она сделалась прозрачной, открыв глубину, которой не могло быть внутри обычной небесной глыбы.

Тхессая увидела кольца.

Тысячи колец, заключённых одно в другое. Одни вращались медленно, другие — с такой скоростью, что казались неподвижными. Между ними двигались громадные мосты, похожие

на рёбра невиданного существа. Вдали проплывали исполинские колонны, опутанные светящимися нитями. И всё это находилось внутри Луны.

— Это корабль, — выдохнула она.

Не похожий на корабли Драко, Саэритов или Диверхама. У него не было привычного носа, кормы, рядов боевых платформ. Весь лунный шар был оболочкой механизма, скрывающего невероятное множество помещений и переходов.

В центре сияло пространство, похожее на живое сердце.

Свет подхватил Тхессаю и перенёс к нему.

⁂

Пол под ногами оказался настоящим.

Она ступила на гладкую плиту, посмотрела вниз и увидела собственное отражение. В нём ещё угадывались длинные волосы, необычные уши с костяными гребнями, двойные золотистые радужки. Но отражение не поспевало за движениями. На мгновение она подняла руку, а отражённая Тхессая продолжала стоять неподвижно.

— Это неприятно, — сказала принцесса.

— У переходного облика нет постоянного отражения, — ответили за её спиной.

Тхессая развернулась так резко, что едва не потеряла равновесие.

Перед ней стояла высокая женщина в одежде цвета ночного неба. По её плечам струились тонкие серебряные полосы, а лицо было совершенно обычным — настолько обычным, что после всех увиденных ею чужих рас это казалось страннее любого чуда.

— Ты кто? — Тхессая не отступила, хотя отражение под ногами продолжало двигаться отдельно от неё.

— Проводница Врат. Я встречаю тех, кто пришёл к земному рождению.

— Ты из народа Гайи?

— Гайя — это Земля. Там живут люди. Я приняла их облик.

— Значит, ты сама не из их расы.

Проводница чуть заметно улыбнулась.

— Ты умеешь слушать ответ, даже когда его не произносят.

— Я устала от загадок. Меня похищали трижды. Я падала с корабля. Я провела ночь в лесу, который пытался меня съесть. И теперь меня просят любоваться зеркальным полом, в котором я даже не отражаюсь как следует.

— Тебя никто не просил любоваться полом.

Тхессая невольно фыркнула.

— Это было бы первым разумным приказом за последние дни.

— Здесь не отдают приказов, — спокойно сказала Проводница. — Здесь предлагают возможности.

Она развернулась и пошла по широкой дорожке между светящимися стенами. Тхессая задержалась, оглянулась на место, откуда пришла, и обнаружила вместо него пустой зал.

— Постой! Куда ты меня ведёшь?

— Туда, где ты сможешь решить, что делать дальше.

— Я уже решила. Мне нужна Земля. И как можно скорее.

— Тогда пойдём. Но сначала ты должна понять, на что соглашаешься.

— Я согласилась ещё в джунглях!

Проводница остановилась.

— Ты согласилась начать новую жизнь. Теперь тебе предстоит пройти к ней. Согласие, данное из страха, не превращается в пожизненный приказ. Его можно подтвердить или отозвать.

Тхессая хотела возразить, но не нашла слов.

Она слишком хорошо помнила Алтарь Крови. Мор-даркар собственноручно пролил кровь в своё углубление. Её принуждали сделать то же самое, и весь союз зависел от движения её руки. Здесь от неё опять чего-то ждали.

Только никто не схватил её за запястье.

— Идём, — сказала она тише.

⁂

Зал, в который они вошли, не имел видимых границ.

Под ногами тянулась поверхность, напоминавшая матовое стекло, а под ней медленно вращались облака света. Далеко впереди возникали и исчезали двери. Они не стояли в стенах: каждая висела отдельно, обрамлённая тонкой линией, и за каждой открывался чей-то совсем иной мир.

Но дверей было меньше, чем людей.

Тхессая остановилась.

Сотни — нет, тысячи — светящихся фигур двигались по залу. Мужчины и женщины. Старики с согнутыми спинами. Дети. Некоторые выглядели совсем маленькими, другие были так прозрачны, что их очертания расплывались. Одни молчали, другие разговаривали негромко и оживлённо. Кто-то смотрел в открывшуюся дверь так долго, словно пытался прочесть в ней свою судьбу.

— Они все умерли? — спросила принцесса.

— Не все пришли сюда одним путём, — ответила Проводница. — Одни завершили предыдущую жизнь. Другие впервые выбирают земное воплощение. Некоторые, как ты, перешли из другого существования добровольно.

— Но почему они выглядят как люди?

— Потому что здесь они готовятся стать людьми. Облик помогает им узнать самих себя на пороге новой жизни. Не принимай его за доказательство того, кем душа была прежде.

Тхессая внимательно посмотрела на ближайшую фигуру. Это был мальчик с торчащими волосами, который стоял перед дверью, где виднелся залитый солнцем сад.

— Я хочу сюда, — сказал он.

Рядом с ним появилась другая Проводница.

— Ты согласен на эту возможность?

— Да. Там есть собака.

— Собака не принадлежит тебе.

— Но я могу с ней подружиться?

— Можешь попробовать.

Мальчик задумался, потом серьёзно кивнул.

Дверь осветилась мягким золотом.

— Подожди, — произнесла первая Проводница, заметив вопрос на лице Тхессаи. — Ты сейчас спросишь, почему ему показали собаку, если он не знает будущего.

— Именно.

— Врата показывают возможное место начала жизни, не всю жизнь. Они не обещают дружбы, любви или счастья. Никто не вправе выбирать за других людей их будущие чувства и поступки.

— Даже здесь?

— Именно здесь это особенно важно.

Мальчик уже исчез в золотом свете.

Тхессая ещё некоторое время смотрела туда, где была дверь.

— А если его будущая семья окажется жестокой?

Проводница не стала поспешно утешать её.

— Выбор пути не означает согласия на чужую жестокость. Ни одна душа не отвечает за зло, которое ей причинят. Земная жизнь остаётся открытой, потому что свободная воля есть не только у приходящего, но и у тех, кто его встретит.

Тхессая кивнула. Ответ был тяжёлым, но хотя бы не лживым.

— Значит, вы не управляете их судьбами.

— Нет. Мы открываем возможность родиться. Жить за них никто не может.

По залу пронёсся тихий звук, будто кто-то коснулся хрустальной чаши. Несколько дверей одновременно погасли; на их месте появились новые.

Тхессая вздрогнула.

— Что это?

— Смена доступных путей.

— И что, если кто-то не успел выбрать?

— Он может подождать. Никто не обязан рождаться немедленно.

Тхессая стиснула зубы.

А мне ждать нельзя.

Ей снова почудился металлический свист Саэритов. Она оглянулась, хотя прекрасно знала, что преследователей здесь нет.

⁂

В следующем зале было тише.

Здесь двери располагались вдоль огромной дуги, поворачивавшейся вокруг невидимого центра. Между ними мерцали образы домов, городов, лесов и океанов. Иногда появлялось лицо незнакомого человека, иногда — только очертания места. Все изображения были неполными: стоило приблизиться, как часть картины скрывалась туманом.

Перед одной из дверей стояла женщина, обняв себя за плечи. Её лицо было печальным.

— Я помню голос, — сказала она Проводнику. — Не слова. Только голос. Он останется со мной?

— Новая жизнь не получит всех твоих воспоминаний разом, — ответила Проводница. — Иначе это была бы не новая жизнь, а старая в другом платье.

— А любовь?

Проводник помедлил.

— То, что ты умеешь любить, не отнимут.

Женщина прикрыла глаза и шагнула вперёд.

Тхессая отвела взгляд.

Мама.

Сьерра стояла в её памяти у окна дворца, освещённая багровым светом далёкой звезды. Серебряная застёжка удерживала тёмные волосы, золотые прожилки едва мерцали на висках. Потом всплыл голос отца: «Корона не даёт тебе права умереть первой».

— У тебя есть родные? — тихо спросила Проводница.

Тхессая вздрогнула, словно вопрос причинил ей боль.

— Отец погиб, когда защищал Диверхам. Я видела, как рухнул Северный Очаг. А моя мать жива. Её держат в плену драконийцы.

— Ты уверена?

— Я сама видела её у Алтаря Крови. Даркар приставил к её горлу клинок, чтобы заставить меня совершить обряд. Мама просила не подчиняться. Я обещала, что вытащу её оттуда.

Тхессая отвернулась. Перед глазами вспыхнули лицо Сьерры, следы удерживающих колец на её руках и неподвижное лезвие возле шеи.

— Моя тётя Вейлара исчезла во время нападения, — добавила она тише. — Я даже не знаю, жива ли она.

— И теперь ты боишься их забыть?

— Я боюсь оставить их там. — Тхессая посмотрела на свои прозрачные ладони. — Я всю жизнь знала, что делать: защищать Диверхам, слушать отца, помогать матери. А теперь отца нет, мама у врагов, моего дома больше нет. И я совсем одна.

Она помолчала, сдерживая дрожь в голосе.

— Я сбежала от драконийцев, от серых, от Саэритов. Я умею сражаться, но не знаю, с кем теперь говорить, кому доверять и как спасти маму. У меня даже нет корабля. Мне нужно время, чтобы придумать, что делать дальше.

— Ты вправе не торопиться с выбором, — сказала Проводница.

— А я надеюсь, что мне не придётся остаться на Земле навсегда. Может быть, воплощение станет только укрытием. Я проживу какое-то время там, где меня не найдут, пойму, как вернуться, и освобожу её.

Проводница внимательно посмотрела на принцессу.

— Я не могу обещать тебе такого возвращения. Новое земное рождение начнётся с младенчества. Ты не сохранишь сознательную память о Диверхаме, пока твоя сущность спит. Ты можешь прожить долгие годы, даже не зная, что собиралась кого-то спасти.

— Но память не исчезнет совсем?

— Нет. Однако я не знаю, когда она пробудится и откроется ли тебе путь назад.

Тхессая закрыла глаза.

— Каэриан. Сьерра. Вейлара, — произнесла она быстро, словно могла привязать себя к прежнему миру одними именами. — Диверхам. Семь гор. Северный Очаг. Мой дом.

Слова растворились под огромным сводом. Ни один голос не ответил ей.

— Я не хочу забывать маму, — прошептала она. — И не хочу, чтобы она думала, будто я её бросила.

— Тогда не обещай себе того, чего не можешь исполнить, — мягко ответила Проводница. — Ты вправе надеяться. Но надежда не равна знанию.

Тхессая повернулась к далёким сияющим дверям.

Перед ней словно снова возникли маски Саэритов и лицо Даркара. В открытом мире её настигли бы прежде, чем она смогла придумать план. А здесь впервые никто не требовал отдать свою кровь.

— Я это понимаю. Но сейчас я одна и не знаю, куда идти. Мне нужно спрятаться. Потом... потом я попробую найти дорогу обратно.

— Выбор всё равно остаётся за тобой.

— Да. И я сама его сделаю. Не ради того, чтобы забыть свой дом. Ради того, чтобы у меня когда-нибудь появился шанс вернуться.

Проводница молча кивнула.

Тхессая не почувствовала облегчения. Но впервые за долгие дни у неё появилась хотя бы надежда — хрупкая, пугающая и пока ничем не подкреплённая.

⁂

Дальше начинался Круг Времени.

Он был столь велик, что его противоположный край терялся в серебристом тумане. На полу не было цифр и знаков, только длинные световые полосы, пересекавшиеся под разными углами. Над ними медленно проходили кольца, похожие на лунные фазы: узкие серпы, половины светлого круга, целые сияющие диски.

Тхессая остановилась под одним из них.

— На Земле тоже бывает такая Луна?

— Жители Гайи видят её фазы. По ним веками считали месяцы, соотносили дела с сезонами и замечали повторение природных ритмов. Но настоящая роль Луны не исчерпывается тем, что можно разглядеть с поверхности.

— Ты говоришь о Вратах?

— И о времени, через которое они пропускают души.

Тхессая провела рукой сквозь поток серебристых частиц. На мгновение в нём появилась картина огромного земного города, но тут же сменилась полем, покрытым снегом. Потом она увидела деревянный корабль на море, затем высокие здания с сияющими окнами.

— Это разные места?

— И разные времена.

— Вы можете отправить меня в прошлое?

— Для тебя, привыкшей к одному ходу времени, переход покажется странным. Здесь дороги соединяют моменты рождения. Мы не переписываем уже прожитые жизни и не меняем чужие решения. Мы открываем путь к тому началу, которое возможно.

— Значит, на Гайе может пройти много лет, пока я сделаю один шаг?

— Может. А может, твоя земная жизнь пройдёт быстрее одного разговора здесь.

— Отличное место для часовщика, — заметила Тхессая. — Разорится в первый день.

— Придётся научиться ждать по-новому,— пробормотала Тхессая.

— Ты действительно плохо умеешь ждать.

— С моей жизнью это обычно заканчивалось похищением.

Проводница не удержалась от лёгкой улыбки.

Тхессая впервые за долгое время улыбнулась в ответ.

Улыбка быстро исчезла, когда сверху раздался низкий гул. В глубине механизма медленно сдвинулось огромное кольцо, и за ним открылся вид на Землю.

Голубая планета занимала почти весь проём. Белые облака закручивались над морями. По ночной стороне тянулись крохотные огоньки городов.

— Там столько людей, — сказала принцесса.

— И каждый из них однажды прошёл через возможность рождения, согласившись на земную жизнь.

— Они помнят, что выбрали её?

— Чаще всего нет.

— Тогда как можно доказать, что выбор был их собственным?

— Отсутствие памяти не превращает согласие в принуждение. Но и наличие Врат не даёт никому права говорить человеку, что все его несчастья были заранее им выбраны. Никому из живущих нельзя присваивать чужой выбор.

Тхессая задумчиво смотрела на маленькие огни.

— Странный мир.

— Все миры кажутся странными тем, кто видит их впервые.

— На моём мире небо почти чёрное, даже когда светит звезда. А здесь вода выглядит так, будто её больше, чем земли.

— Возможно, ты полюбишь её.

— Воду?

— Гайю.

Тхессая не ответила.

⁂

В Зале Семей пахло чем-то невозможным — свежим хлебом, дождём по тёплому камню, влажной травой, дымом домашнего очага. Запахи менялись с каждым шагом и словно принадлежали тем местам, которые открывались за дверями.

Перед Тхессаей возникла золотая рамка.

За ней был маленький двор, где женщина развешивала бельё. Мальчик носился вокруг с деревянной палкой и воображал себя воином. Женщина что-то крикнула ему, он сделал вид, что не слышит, и тут же запутался в простыне.

Тхессая усмехнулась.

— Похоже, у них и без меня достаточно хлопот.

Другая рамка показала дом с огромными окнами. В комнате стояли высокие вазы, а двое взрослых разговаривали за столом. Тхессая не слышала слов, но видела усталость на их лицах.

Третья рамка открыла вид на крохотную кухню, где мужчина пытался удержать сразу три тарелки и при этом открыть дверь ногой. Не получилось. Одна тарелка упала, за дверью раздался женский смех.

— Это будущие родители? — спросила Тхессая.

— Возможные семьи. Врата показывают их жизнь лишь настолько, чтобы ты могла понять, где начнётся твоя. Остальное они должны прожить сами.

— А если я выберу богатую семью, у меня будет счастливая жизнь?

— Богатство — не обещание счастья.

— А если бедную?

— Бедность не обещание горя. Но и не делает трудности благом. Не пытайся вычислить чужую жизнь по нескольким мгновениям.

Тхессая перевела взгляд с одной рамки на другую.

Сотни возможностей. Тысячи.

Ей вдруг стало страшнее, чем при виде корабля Саэритов. Там она знала, с кем сражается. Здесь требовалось выбрать людей, которых она никогда не встречала, и доверить им всё, чем станет.

— Я не буду выбирать, — сказала она.

Проводница повернулась к ней.

— Ты можешь отказаться от предложенных семей и доверить Вратам найти открытый путь.

— Тогда пусть находят.

— Ты понимаешь, что после этого не сможешь потребовать другую семью, словно меняешь комнату в гостинице?

— Я не выбираю комнату. Я пытаюсь остаться живой.

— Выбор всё равно важен.

Тхессая сжала кулаки.

— Тогда вот мой выбор: я согласна на новую жизнь на Гайе и доверяю Вратам найти семью. Но я не хочу смотреть на тысячи чужих домов и решать, кто достоин стать моими родителями. Я никого из этих людей не знаю.

Проводница кивнула.

— Этого достаточно.

Все изображения погасли.

Тхессая вздрогнула.

— Что случилось?

— Врата услышали твой выбор.

На полу появилась тонкая золотая линия. Она пробежала между плитами, свернула за колонну и скрылась за высокой дверью, которой мгновение назад не существовало.

— Туда? — спросила принцесса.

— Туда.

Тхессая шагнула к двери, но задержалась.

— Можно задать последний вопрос?

— Тебе не нужен особый допуск, чтобы спрашивать.

— Если моё имя исчезнет, а кровь уснёт… Тхессая Эссарион действительно продолжит существовать? Или останется только какая-то другая девочка, которая ничего обо мне не знает?

Проводница долго смотрела ей в глаза.

— Ты останешься собой, — сказала Проводница. — Но девочка, которой станешь, не обязана продолжать всё, что не успела принцесса. У неё будут свои ошибки, свои радости и право сказать «нет».

— Даже если она вспомнит Диверхам?

— Особенно тогда.

Проводница чуть склонила голову. Тхессая не сразу нашла, что ответить.

Тхессая опустила голову.

Она думала о том, как много существ желало решить за неё, кому должна принадлежать её кровь. Даркар видел в ней династический союз. Серые — возможность клонировать древнее наследие. Саэриты — ключ к пробуждению Первой Владычицы.

Ни один из них не спросил, кем она сама хочет быть.

— Тогда я пойду, — сказала она.

⁂

Последний зал был пуст.

Только в центре висело кольцо света, а внутри него медленно поворачивалась световая карта Гайи. Материки и океаны лежали на ней плоскостью, окружённой белым поясом антарктических льдов; за ним, почти на границе видимости, темнели другие земли. Вокруг кольца стояли двенадцать тонких колонн. Между ними переливались струны, похожие на серебряные нити.

Когда Тхессая вошла, нити натянулись и зазвучали.

Не музыка. Скорее дыхание огромного механизма, которому не требовалось воздуха.

На полу возникли три светящиеся строки. Первую она прочесть не смогла. Вторая сложилась в знакомые ей знаки, и Тхессая удивлённо подняла голову.

— Они знают язык Диверхама?

— Врата говорят с каждым на языке, который тот способен понять.

На третьей строке сияли слова: «НОВОЕ РОЖДЕНИЕ. СОБСТВЕННЫЙ ВЫБОР».

— Когда я забуду прошлое, останется ли во мне хоть что-нибудь от прежней Тхессаи? — спросила она у самого кольца.

— Ты родишься без прежних воспоминаний, — ответила Проводница. — Но никто не отнимет у тебя право однажды снова узнать себя.

— А я… почувствую боль?

— Рождение принадлежит земной жизни. Его нельзя прожить за тебя. Но здесь тебя не будут мучить и не станут удерживать.

Тхессая подошла к кольцу.

Свет на её руках едва мерцал. Она посмотрела на длинные пальцы, на необычные суставы, на почти исчезнувшие золотые прожилки. Когда-то отец учил её держать меч именно этими руками. Мать прятала в них кусочки сладких миндальных плиток, когда Тхессая была маленькой. Вейлара стучала ей по пальцам архивной пластиной, если племянница пыталась прочесть запрещённые строки.

— Я их любила, — произнесла Тхессая.

Проводница не переспросила кого.

— Это останется частью тебя.

— Даже если я не буду помнить?

— Да.

Тхессая закрыла глаза.

Она попыталась представить Диверхам таким, каким видела его до нападения: багровая звезда, семь гор, широкие мосты над лавой. Мать в плену ждала неизвестной участи. Тхессая хотела верить, что это расставание временное. «Я найду способ, — пообещала она мысленно.

— Мне только нужно время». Но ответа у неё не было. Она позволила картинам родины отступить, не желая прощаться с ними навсегда.

— Я надеюсь, что однажды смогу вернуться, — произнесла она. — Даже если сейчас не знаю как.

— Именем Тхессаи Эссарион, — сказала она тихо, — я выбираю новую жизнь на Гайе. Добровольно.

Кольцо ответило золотым сиянием.

Проводница отступила.

— Твой выбор принят.

Свет охватил пальцы Тхессаи. На одно мгновение она увидела множество нитей, уходивших вниз, к Земле. Одна из них, ещё тонкая и почти незаметная, загорелась мягче остальных.

— Куда она ведёт? — спросила принцесса.

— В твоё новое начало.

— Там меня не найдут?

Проводница протянула руку, но не коснулась её плеча.

— Я не стану обещать, что тебя никто не найдёт. Могу обещать лишь, что выбор за порогом будет твоим.

— Там у тебя будет время прожить свою жизнь. А когда придёт день, в который пробудится древняя кровь, выбор снова будет принадлежать тебе.

Тхессая шагнула вперёд.

Сначала исчез звук. Потом исчезла тяжесть собственного тела. Не было ни пола, ни стен, ни огромной Луны. Только золотая нить, уходившая куда-то далеко, к маленькому дому в мире, о котором она ничего не знала.

И голоса. Неясные, человеческие.

— Ты уверена?

— Конечно, уверена. Хотя если ты ещё раз спросишь, я начну сомневаться просто из упрямства.

— Я же волнуюсь.

— Тогда принеси мне воды. И не пролей по дороге.

Тхессая не поняла слов.

Но в одном из голосов было такое тепло, что она на мгновение захотела остаться и слушать.

Потом исчезло и желание.

За ней закрылись Врата.

⁂

В Брейденфилде шёл дождь.

Никаких огненных гор. Никакой багровой звезды. Обыкновенные тяжёлые тучи над мокрыми крышами, вода в водостоках, машины на узких улицах и прохожие, которые ругали погоду с такой убеждённостью, словно от их возмущения зависело движение облаков.

В доме на Фарвик-роуд Мардж Аддерсон стояла на кухне и смотрела на две тонкие полоски на тесте.

Она смотрела уже добрых пять минут.

— Оливер! — наконец позвала она.

Из соседней комнаты послышалось:

— Если это опять паук, я официально заявляю: он живёт здесь дольше меня и имеет право на аренду.

— Оливер, иди сюда.

Муж появился в дверях, держа в одной руке отвёртку, а в другой — разобранную ручку шкафа.

— Скажи сразу, я что-нибудь сломал?

— Пока нет.

— Обнадёживающее «пока».

Мардж протянула ему тест.

Оливер нахмурился, посмотрел на две полоски, потом на жену, потом снова на полоски.

— Это…

— Да.

— То есть…

— Да, Оливер.

Он медленно положил отвёртку на стол.

— Мы?.. У нас?.. — Он поискал подходящее слово, но ни одно не нашёл. — Правда?

Мардж вдруг засмеялась. Слёзы блеснули у неё на глазах.

— Правда.

Оливер обнял её так крепко, что она с возмущением пискнула:

— Осторожно! И ты положил отвёртку прямо на чистую салфетку!

Он рассмеялся, поднял её и закружил на кухне.

— Поставь меня! Я всё-таки беременная женщина, а не лампа, которую ты меняешь в коридоре!

— У нас будет ребёнок, — повторил он, словно только теперь поверил.

Мардж осторожно прижалась щекой к его плечу.

— У нас будет ребёнок.

За окном шёл дождь. Обычный земной дождь. Ни Мардж, ни Оливер не знали, что далеко над облаками, по ту сторону лунной оболочки, закончился один путь и открылся другой.

⁂

За воротами дома на Фарвик-роуд менялись времена года. Мардж отмечала на кухонной стене рост дочери; Оливер каждый раз поправлял карандашную черту, потому что боялся ошибиться на полсантиметра.

Мардж внезапно обнаружила, что в доме можно вымыть пол дважды за день и всё равно найти соринку. Оливер обнаружил, что детские кроватки состоят из сотен одинаковых деталей, хотя в коробке обещали простую сборку. Он так долго разглядывал инструкцию, что Мардж предложила вызвать специалиста.

— Я сам справлюсь, — ответил он с достоинством.

— Ты говоришь это третий вечер.

— Кроватка сложнее, чем выглядит.

— Это четыре стенки и матрас.

— Вот именно. Подозрительно мало деталей для такой важной вещи.

Они выбирали имя. Спорили о цвете стен. Покупали крошечные носки, которые Оливер каждый раз пытался натянуть на два пальца и объявлял величайшим изобретением человечества.

Мардж складывала носки попарно.

— Перестань растягивать их! — сердито говорила она.

— Я проверяю качество.

— Проверяй качество своих носков.

Вечерами они сидели у окна и слушали, как ветер шумит в саду.

Однажды Оливер положил ладонь на живот жены и почувствовал слабый толчок.

Он замер.

— Она меня пнула.

— Не тебя,— ответила Мардж.— Просто шевельнулась.

— Нет, это был осознанный протест против того, как я собираю кроватку.

— Тогда она уже пошла в меня.

Они рассмеялись.

В ту ночь Мардж долго не могла уснуть. Она лежала, прислушиваясь к тихому движению новой жизни, и думала о том, какой будет её дочь. Может, упрямой. Может, задумчивой. Может, такой же аккуратной, как она сама.

— Только бы ты была здорова, — прошептала Мардж. — А остальное мы как-нибудь переживём.

За окном между облаками показалась Луна.

Её узкий свет скользнул по подоконнику и погас.

⁂

Роды начались в то утро, когда Оливер окончательно решил, что наконец собрал кроватку правильно.

Он успел торжественно объявить об этом жене, но Мардж посмотрела на него, выдохнула и сказала:

— Прекрасно. Теперь отвези меня в больницу.

— Что? Сейчас?

— Нет, Оливер. В следующем месяце. Конечно сейчас!

Оливер бросился за ключами, вернулся за телефоном, потом обнаружил, что ключи всё это время держал в руке.

— Дыши, — приказала Мардж.

— Я дышу!

— Тогда перестань дышать так, будто рожать собираешься ты!

По дороге он трижды спросил, не нужно ли остановиться. Мардж трижды ответила, что останавливаться сейчас — худшая из его идей. На четвёртый раз она взяла его за руку и уже тихо сказала:

— Всё будет хорошо, — сказал Оливер. И сам посмотрел на врача, проверяя, верит ли тот этому.

Он посмотрел на неё.

— Я должен был сказать это тебе.

— Ты ещё успеешь. Когда перестанешь паниковать.

Позднее Оливер не смог бы в точности вспомнить, сколько времени они провели в больнице. Были коридоры, запах чистого белья, голоса врачей, стакан воды, который он принёс не в ту палату, и собственное сердце, стучавшее слишком громко.

А потом раздался первый крик.

Такой пронзительный, требовательный, полный возмущения, что Оливер сразу понял: дочь совершенно точно унаследовала семейный характер.

— Девочка, — сказала акушерка.

Мардж лежала усталая, с прилипшей ко лбу прядью волос. Когда ей положили на грудь маленький тёплый свёрток, она вдруг перестала замечать всё остальное.

Дочь открыла глаза.

Обычные глаза новорождённого ребёнка. Мардж не увидела в них ни двойных золотых колец, ни древнего сияния. Перед ней была её дочь — маленькая, красная от крика, возмущённая появлением в незнакомом мире.

— Привет, — прошептала Мардж. — Мы тебя ждали.

Оливер подошёл ближе.

— Она такая маленькая.

— Удивительно, правда? — устало ответила жена. — Я ведь обещала родить тебе сразу взрослого человека.

Он улыбнулся и осторожно коснулся крохотной ладони.

Маленькие пальцы сомкнулись вокруг его мизинца.

Оливер замолчал.

Все его шутки, все глупые тревоги, все попытки заранее подготовиться вдруг потеряли значение.

— Ты только посмотри, — сказал он еле слышно.

— Смотрю.

— Она меня держит.

Мардж улыбнулась.

— Привыкай. Надолго.

В палате стало тихо. За окном поднимался обычный земной день.

— Мэдисон, — сказала Мардж.

Оливер повернулся к ней.

— Мы ведь ещё окончательно не решили.

— Теперь решили.

Он посмотрел на дочь, потом на жену.

— Мэдисон Аддерсон, — повторил он с осторожной важностью. — Звучит так, будто однажды она станет командовать всеми нами.

— Если пойдёт в меня, так и будет.

Малышка недовольно заворочалась, словно уже потребовала прекратить обсуждение её будущего без её участия.

Оливер рассмеялся.

— Ладно, Мэдисон. Договорились. Сегодня командуешь ты.

⁂

Никто в больнице Брейденфилда не увидел ничего необычного.

Врач записал вес и рост новорождённой. Мардж трижды переспросила, почему ребёнку нужны две разные карточки. Оливер открыл инструкцию к переносной люльке и через минуту обнаружил, что собрал подголовник задом наперёд.

Первые анализы не вызвали тревоги. Кровь малышки была обычной человеческой кровью.

И всё же глубоко, за пределами возможностей земных приборов, в новой жизни спала Искра, принадлежавшая древней династии Эссарионов.

Она не имела ни цвета, ни формы, которую можно было увидеть под микроскопом. Не была чужой клеткой, которую можно извлечь и поместить в сосуд. Это было наследие, сохранённое в самой сущности пришедшей души.

Долгие годы ему предстояло молчать.

Мэдисон не помнила раскалённых рек Диверхама. Не помнила Алтаря Крови, масок Саэритов, холодного голоса Мор-даркара. Не помнила Луну изнутри и серебряных колец механизма.

Она знала только тепло материнских рук.

Когда Мардж принесла её домой на Фарвик-роуд, Оливер торжественно открыл дверь и тут же споткнулся о коробку с детскими вещами, которую сам оставил в прихожей.

— Ничего не говори, — попросил он.

— Я и не собиралась, — ответила Мардж. — Я всё скажу позже, когда уложу ребёнка.

Мэдисон тихо пискнула.

— Вот видишь, — сказал Оливер. — Она на моей стороне.

— Она требует, чтобы ты убрал коробку.

Он послушно убрал.

Вечером дом затих. Мардж сидела рядом с кроваткой, которую муж всё-таки собрал правильно, и смотрела, как спит дочь. На подоконнике лежал свет Луны.

Малышка вдруг улыбнулась во сне.

— Что тебе снится, маленькая? — прошептала мать.

Ответа, конечно, не было.

Где-то очень далеко, за тёмными равнинами обратной стороны Луны, огромное кольцо совершило ещё один оборот. Одна из бесчисленных нитей погасла в Зале Воплощений — не потому, что жизнь закончилась, а потому, что началась.

И никто в маленьком доме не знал, что однажды эту девочку будут искать правители чужих миров.

Пока же Мэдисон Аддерсон спала, доверчиво разжав крохотную ладонь.

Её больше никто не держал в плену.

ГЛАВА 5

Правила миссис Аддерсон

Шестнадцать лет спустя

На Фарвик-роуд было принято считать, что миссис Мардж Аддерсон любит порядок. Те, кто оставлял мокрые следы на её кухонном полу, знали: слово «любит» здесь слишком мягкое.

Впрочем, тряпку она практически не выпускала из рук.

В половине восьмого субботнего утра, когда остальные жители Брейденфилда ещё досматривали сны, Мардж уже успела вымыть кухонный пол, протереть подоконники, переставить банки с крупой в алфавитном порядке и обнаружить на верхней полке буфета пыль, которой, по её твёрдому убеждению, вчера там не было.

— Оливер! — позвала она.

Никто не ответил.

— Оливер Аддерсон!

Из спальни донеслось сонное:

— Что случилось? Мы горим?

— Гораздо хуже. Ты опять поставил кружку на полированную тумбочку без подставки.

— Я же поставил её вчера вечером.

— Именно. Пятно тоже со вчерашнего вечера!

Мардж подняла кружку двумя пальцами, как улику на месте преступления.

В дверях появился Оливер — высокий, добродушный мужчина с растрёпанными волосами и одним носком в руке. Второй он безуспешно искал последние десять минут.

— Доброе утро, дорогая.

— Добрым оно станет, когда кружка окажется на подставке, — ответила Мардж. — И когда ты найдёшь второй носок.

— Тогда я, пожалуй, ещё немного посплю.

— Ты мне лучше объясни, откуда на тумбочке круг?

Оливер заглянул через её плечо.

— Очень правильный, между прочим. Почти идеальная окружность.

Мардж посмотрела на мужа с таким выражением, будто только что узнала, что все эти годы прожила с опасным преступником.

— Тебе непременно нужно всё превращать в шутку?

— Нет. Иногда я ещё чиню вещи.

— Вот это меня и пугает.

Из гостиной послышался сухой смешок.

У окна, укрыв колени клетчатым пледом, сидел дедушка Томас. Он передвигался на инвалидной коляске, но это нисколько не мешало ему появляться именно там, где от него было меньше всего пользы и больше всего комментариев. Волосы у него стояли торчком, а вид был такой, будто он уже успел поспорить с половиной города и победить.

— Я бы на твоём месте не спорил, Оливер, — заметил он. — Последний человек, который оставил пятно на мебели Мардж, до сих пор считается пропавшим без вести.

— Папа!

— Я просто предупреждаю зятя. В семье должна быть взаимовыручка.

Оливер незаметно показал дедушке Томасу большой палец.

— И ты не подбадривай его! — бросила Мардж, даже не повернувшись.

— У неё глаза на затылке, — доверительно сообщил дедушка Томас. — Появились примерно в тот день, когда она научилась держать веник.

На лестнице скрипнула ступенька.

— Мам, можно хотя бы в субботу не начинать войну до завтрака? — спросила Мэдисон.

Шестнадцатилетняя дочь Аддерсонов стояла на нижней ступеньке в растянутом свитере, с собранными наспех волосами и телефоном в руке. Она выглядела так, словно накануне уснула поздно и собиралась считать это личным достижением.

— Войну никто не объявлял, — возразила миссис Мардж. — Пока. Мэдисон, где тапочки?

Мэдисон посмотрела на свои носки.

— Потому что они на мне не держатся.

— Тапочки не могут на тебе не держаться. Это тапочки.

— Вот именно. Они стоят в коридоре и ждут, пока я приду к ним сама.

Дедушка Томас радостно хмыкнул.

— Внучка моя. Есть надежда, что хоть кто-то унаследовал здоровый рассудок.

— И твою привычку не отвечать на вопросы, — сказала Мардж.

За завтраком выяснилось, что тостер снова поджаривает хлеб только с одной стороны. Оливер уверял, что прибору нужна «небольшая настройка», а Мардж напомнила, что после предыдущей небольшой настройки тостер выбил пробки во всём доме.

— Зато мы провели прекрасный вечер при свечах, — возразил Оливер.

— Я провела прекрасный вечер с электриком!

— Мардж, — осторожно сказал муж, — электрик — это я.

— Вот именно!

Мэдисон поперхнулась чаем. Дедушка Томас от смеха едва не выронил ложку.

Единственный член семейства, который не оценил разговора, возлежал на кресле возле батареи. Лысый кот-сфинкс Элвис растянулся на бархатной подушке, прикрыв глаза и поджав тонкий хвост. Выражение его морщинистой морды сообщало, что человечество в целом его разочаровало, но солнечное пятно на подлокотнике он всё-таки готов терпеть.

— Оливер, убери кота с кресла. Я только что чистила обивку.

Оливер заглянул в полузакрытые глаза Элвиса.

— Он спит.

— Я вижу. Убери.

Оливер наклонился к креслу.

— Элвис, дружище, переселение. Вопрос государственной важности.

Кот открыл один глаз.

— Слышал? — сказал Оливер. — Приказ сверху.

Элвис не пошевелился.

— Поднимайся, старина.

Оливер осторожно снял кота с кресла и поставил на ковёр.

Элвис медленно повернул голову. Посмотрел на человека. Потом на кресло. Затем снова на человека.

— Он тебя запомнил, — сообщил дедушка Томас.

— Папа, это кот, — вздохнула Мардж.

— Именно поэтому я и тревожусь. С людьми ещё можно договориться.

Элвис, не моргая, продолжал смотреть на Оливера.

— Ну перестань, — пробормотал тот. — Будто я тебе жизнь испортил.

Кот развернулся и бесшумно вышел в коридор.

— Вот видите? — сказал Оливер. — Разумное животное.

— Запомни эти слова, — посоветовал дедушка Томас.

⁂

На противоположной стороне Фарвик-роуд, в доме номер девятнадцать, мисс Берта Хиггинс тоже давно не спала.

Берта считала, что после семи утра человеку полагается быть одетым, причёсанным и занятым делом. Никакой особенной причины для этого правила не существовало, но Берта не нуждалась в причинах, когда была уверена в собственной правоте.

Она отодвинула кружевную занавеску и увидела двух мальчишек, которые гоняли мяч по тротуару.

— Опять! — воскликнула она, хотя в комнате никого не было.

Мяч прокатился вдоль её ограды.

Берта распахнула окно.

— Эй! Немедленно прекратите!

Мальчишки остановились.

— Что мы сделали? — спросил младший.

— Пока ничего. Но с вашим воспитанием это лишь вопрос времени!

— Мы играем в футбол!

— В таком возрасте следует читать книги, помогать родителям и учиться вести себя прилично!

— Сегодня суббота, — напомнил старший.

— Суббота не освобождает от воспитания!

На крыльцо соседнего дома выкатился дедушка Томас. За коляской тянулась тень от навеса, а на коленях у старика лежала утренняя газета.

— Берта, дорогая, они всего лишь играют.

— Не называй меня дорогой!

— Хорошо, Берта, недорогая. Они всего лишь играют.

— Дети нынче не знают никаких границ!

— Помнится, в их возрасте ты однажды спрятала садовые ножницы мистера Уилкинса в его собственном почтовом ящике.

Берта покраснела.

— Потому что он обрезал мои розы! А потом уверял, что спас их от меня!

— Это были его розы.

— Он обрезал их неправильно!

Дедушка Томас довольно кивнул.

— Значит, с воспитанием у тебя всё было прекрасно.

Мэдисон вышла на крыльцо следом за дедушкой Томасом и успела услышать, как Берта сердито захлопнула окно.

— Ты нарочно её дразнишь, — сказала она.

— Конечно. Иначе зачем нам жить напротив друг друга?

— Она действительно в детстве спрятала ножницы?

— О да. И оставила записку: «Подумайте над своим поведением».

— Откуда ты знаешь?

Дедушка Томас поправил плед.

— Я помогал писать.

Мэдисон расхохоталась.

— А мама говорит, что ты подаёшь мне дурной пример.

— Твоя мама была самым прилежным ребёнком на свете. Однажды она помыла собственные куклы хозяйственным мылом, потому что те «выглядели несобранными».

— Не выдумывай!

— У одной до сих пор скрипит голова.

Мэдисон посмотрела на окна дома номер девятнадцать.

— Ты давно знаешь Берту?

Дедушка Томас, который минуту назад готов был рассказать что угодно, вдруг замешкался.

— Достаточно давно, чтобы она до сих пор припоминала мне одну ужасную причёску.

— У тебя когда-то были волосы?

— Роскошные. Просто они не выдержали моего ума.

Он ловко развернул коляску к входной двери. На этом разговор закончился.

⁂

К половине одиннадцатого Мардж закончила первую уборку и приступила ко второй.

— Зачем ты моешь уже вымытый пол? — спросила Мэдисон, сидевшая за кухонным столом над школьным сочинением.

— Потому что после первой уборки вы все по нему ходили.

— Но мы живём здесь.

— Я в курсе, Мэдисон.

— Судя по твоему выражению, это тебя огорчает.

Мардж не ответила. Она только сдвинула стул дочери на несколько сантиметров, чтобы протереть под ним.

В этот момент раздался дверной звонок.

Мардж застыла с влажной шваброй в руках.

— Только не сейчас.

Звонок повторился — на этот раз длиннее и требовательнее.

— Мистер Пикфорд, — догадался дедушка Томас из гостиной. — По субботам он всегда звонит так, будто спасает человечество от гибели.

На пороге действительно стоял почтальон Арчибальд Пикфорд. Его форменная фуражка съехала на бок, на усах блестели капли дождя, а из переполненной сумки торчал уголок рекламного буклета.

— Доброе утро, миссис Аддерсон! Посылка и два письма. Один день — сразу три приятных события!

— Мистер Пикфорд, — сказала Мардж, глядя вниз, — вы стоите на моём новом коврике.

Арчибальд поспешно сделал шаг назад и наступил в лужу.

— Прошу прощения.

— Теперь у вас грязная подошва.

— Да, но зато коврик чистый!

— Отойдите ещё на полшага.

Почтальон отступил и упёрся пяткой в цветочный горшок.

— Ещё?

— Нет. Теперь стойте.

Из-за Мардж выглянула Мэдисон.

— Здравствуйте, мистер Пикфорд.

— Здравствуй, Мэдисон. Как учёба?

— Очень хорошо, если не считать учёбы.

Арчибальд рассмеялся, но тут же умолк под взглядом её матери.

— Вам бы газетную колонку вести, девочка, — шепнул он.

— Не подавайте ей идей, — предупредила Мардж. — Что там у вас?

Арчибальд начал перебирать конверты.

— Счёт за электричество… реклама садовой мебели… письмо мисс Хиггинс… нет, простите, это не вам… Посылка от хозяйственного магазина. Ах да! Здесь нужна подпись.

— Чья?

— Ваша.

— Я понимаю. На чём?

Почтальон порылся в карманах.

— Только что была ручка.

— Мистер Пикфорд…

— Секундочку. Я профессионал.

Он вытащил из кармана маленькую отвёртку, пуговицу, мятую конфету, два чека и наконец ручку без колпачка.

— Вот! Всё под контролем.

Когда Мардж расписалась, Арчибальд повернулся к своей сумке и нахмурился.

— Странно.

— Что ещё?

— Мне показалось, она стала тяжелее.

Из глубины сумки донеслось недовольное урчание.

Все посмотрели вниз.

Между конвертами, удобно свернувшись на тёплой подкладке, лежал Элвис. Его огромные уши торчали над газетами, а глаза выражали полное презрение к почтовой службе.

— О господи! — Арчибальд отшатнулся. — Что это?!

— Наш кот, — сказала Мэдисон.

— Я вижу, что не индейка! Как он туда попал?!

— Вероятно, счёл вашу сумку улучшенным креслом, — заметил дедушка Томас.

Арчибальд осторожно поставил сумку на ступеньку.

— Заберите его, пожалуйста. Только не дайте ему съесть письмо миссис Хиггинс. Она меня за него живьём похоронит.

— Элвис не ест бумагу, — успокоила Мэдисон, доставая кота.

— Тем более подозрительно, — сказал дедушка Томас. — Значит, читает.

Мардж с ужасом заметила на пороге две мокрые капли, отпечаток чужой подошвы и клочок шерсти с почтальонской подкладки. Последнего не мог оставить Элвис, что делало происшествие особенно возмутительным.

— Никто не входит! — объявила она. — Сначала я всё вытру.

— Мардж, он вообще-то и не собирался входить, — сказал Оливер, появившийся в коридоре.

— Тогда пусть не входит тем более!

Арчибальд послушно отступил.

— Прекрасного вам дня, — сказал он. — При других обстоятельствах.

Он спустился со ступенек, придерживая сумку обеими руками. Следующие десять метров прошёл осторожно, то и дело заглядывая внутрь — на случай, если туда забрался кто-нибудь ещё.

⁂

К полудню дождь прекратился, и на Фарвик-роуд опять появился футбольный мяч.

Берта Хиггинс немедленно заняла наблюдательный пост у окна.

— Ничего хорошего из этого не выйдет,— пробормотала она.

Увы, в этот раз её предсказание оказалось верным.

Один из мальчишек неудачно ударил по мячу. Тот взлетел выше забора, перелетел через дорожку и с глухим стуком задел керамического гуся, который много лет охранял Бертин палисадник.

Гусь упал на бок. От него отломилось одно крыло.

На секунду улица притихла.

Затем открылась входная дверь дома номер девятнадцать.

— Я ТАК И ЗНАЛА!

Берта появилась на пороге в цветастом кардигане, прижимая к груди полотенце.

— Малолетние хулиганы! Где ваши родители?!

Мальчишки прижались к ограде.

Мэдисон, увидев всё из окна, поспешила наружу. Дедушка Томас уже выехал на крыльцо, а Оливер, надеявшийся спокойно закончить кроссворд, отправился за ними.

— Мы нечаянно, — сказал старший мальчик.

— Нечаянно! — повторила Берта. — Прекрасное слово! Очень удобно, когда вы не умеете себя вести!

Младший опустил глаза.

— Мы можем его починить.

— Вы? Вы даже мячом управлять не можете!

— Берта, — вмешался дедушка Томас, — не обижай детей. Судя по всему, у гуся повреждено только крыло.

— Он был целым двадцать два года!

— Потрясающее долголетие для керамического гуся.

— Томас, не смей!

Но старик уже подвёл коляску к ограде и внимательно рассматривал фигурку.

— Оливер, принеси клей из моего ящика. Не тот, которым ты однажды приклеил дверь шкафа к раме. Другой.

— Я не приклеивал дверь, — возмутился Оливер.

— Правильно. Ты приклеил петлю, и дверь перестала открываться.

— Это была временная мера!

— Она держалась восемь месяцев.

Мэдисон присела возле младшего мальчика.

— Как тебя зовут?

— Бен.

— А брата?

— Лукас.

— Ну что, Бен и Лукас, помогать будем?

Оба закивали.

Берта собиралась возразить, но дедушка Томас уже устроил на низком садовом столике целую мастерскую. Мальчишки держали детали, Мэдисон подавала салфетки, а Оливер, несмотря на сомнительную репутацию домашних ремонтов, оказался вполне полезен с нужным клеем.

Мардж увидела происходящее из окна и вышла на крыльцо.

— Мэдисон! Ты села на мокрую дорожку!

— Я не села, мам, я присела.

— Для брюк разницы нет!

— Мардж, не отвлекай реставрационную бригаду, — сказал дедушка Томас. — У нас пациент.

— Это гусь, папа.

— Керамический, но всё-таки пациент.

Мардж недовольно поджала губы, вернулась в дом и через минуту вышла с чистым полотенцем.

— Подстели хоть это, — сказала она дочери. — А то потом мне придётся отстирывать твои джинсы.

Мэдисон взяла полотенце.

— Спасибо, мам.

— Оно старое, — быстро уточнила Мардж. — Не думай, что я разрешаю портить новые.

Когда крыло удалось закрепить, Берта долго смотрела на гуся так, словно решала, следует ли принять извинения от человечества в целом.

— Он всё равно будет не таким, — наконец сказала она.

— Будет, — ответил дедушка Томас. — Только теперь у него появится история.

Берта отвела взгляд.

— Историй у меня и без тебя хватает.

Мэдисон заметила, что её голос неожиданно стал тише.

Младший мальчик шагнул вперёд.

— Простите, мисс Хиггинс.

Берта посмотрела на него, потом на старательно приклеенное крыло.

— Играйте на площадке, — произнесла она. — Здесь слишком много окон.

— Хорошо!

Мальчишки побежали прочь.

— Бегут, как будто за ними полиция гонится, — проворчала Берта.

— Ты на них накричала громче полицейской сирены, — заметил дедушка Томас.

— Я имела полное право!

— Разумеется. А когда ты в пятнадцать лет разбила стекло в оранжерее, тоже имела полное право?

— Это была совсем другая история! И там, между прочим, я был прав в самом главном.

— Так я и говорю: у гуся теперь тоже есть история.

Берта сердито посмотрела на него, но уголки её губ дрогнули.

— Ты был невыносимым ещё в молодости, Томас.

— А ты и тогда была ужасно красива, когда сердилась.

Эти слова вырвались у него так неожиданно, что даже Оливер перестал вертеть в руках тюбик клея.

Берта застыла. Потом фыркнула.

— Пора бы тебе проверить зрение.

— Наверное, — согласился дедушка Томас и отвёл взгляд.

Мэдисон посмотрела то на него, то на Берту. Но задавать вопросы при всех не стала.

⁂

Домой Аддерсоны вернулись с грязными ботинками, мокрым полотенцем и ощущением, что день наконец-то начал успокаиваться.

Все они ошибались.

Первым неладное заметил Оливер.

Он остановился посреди коридора, нахмурился и посмотрел на свои домашние тапочки, которые с утра оставил возле кресла.

— Мардж?

Из кухни послышалось:

— Если ты опять что-то сломал, я не желаю знать подробностей.

— Я ничего не сломал.

— В таком случае почему ты кричишь?

— Здесь… одна неприятность.

Мардж появилась с полотенцем на плече.

— Какая?

— Лучше не подходи.

Она подошла.

Возле тапочек, аккуратно расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, лежали три маленькие кучки. Элвис, сидевший на подоконнике, смотрел на Оливера с безмятежным величием судьи, только что огласившего приговор.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

— ТРИ?! — наконец выдохнула Мардж.

Дедушка Томас, подкативший из гостиной, оценил обстановку.

— Как я и предупреждал. Он тебя запомнил, Оливер.

— Он не мог сделать это нарочно, — пробормотал тот.

Элвис медленно моргнул.

— Скажи ещё, что это совпадение, — предложил дедушка Томас.

Мэдисон закрыла рот ладонью.

— Не смей смеяться! — приказала мать.

— Я не смеюсь.

— У тебя плечи трясутся!

— Это от сочувствия папе.

Мардж схватила щётку, затем передумала и вручила её Оливеру.

— Убираешь сам.

— Почему я?

— Потому что ты его согнал с кресла.

— По твоей просьбе!

— Я просила убрать кота. А не нанести ему личное оскорбление!

Дедушка Томас не выдержал и захохотал так громко, что Элвис даже повернул к нему ухо.

— Вот видишь, — сообщил дедушка Томас Элвису. — Даже у тебя приказ входит в одно ухо, а выходит из другого. И ведь ушей почти не видно.

Оливер посмотрел на Элвиса.

— Ты жестокое существо.

Кот потянулся, небрежно зевнул и улёгся обратно.

— И не вздумай просить у него прощения, — предупредила Мардж. — Сначала закончи уборку.

На следующие сорок минут дом номер двенадцать превратился в штаб по ликвидации последствий кошачьего возмездия. Мардж открывала окна, меняла воду и отдавала распоряжения. Оливер мыл пол, дедушка Томас давал бесполезные советы, а Мэдисон, отправленная за чистыми тряпками, смеялась в кладовке так, что ей пришлось присесть на коробку с запасными лампочками.

Когда всё наконец было вымыто, Мардж придирчиво осмотрела коридор.

— Теперь чисто, — сказала она.

— Я счастлив, — устало ответил Оливер.

— Не расслабляйся. Ты забрызгал плинтус.

⁂

К вечеру дом наполнился густым, аппетитным запахом горохового супа.

Мардж утверждала, что поставила на плиту большую кастрюлю исключительно потому, что пакет колотого гороха давно занимал место на полке. Однако Мэдисон знала: если день выдавался особенно неудачным, мать непременно варила что-нибудь сытное. Так она возвращала дому привычный порядок — сначала отмывала все поверхности, а потом усаживала семью за стол.

Оливер сидел у кухонного стола и чинил ручку чайника. Мардж время от времени косилась на него, но пока молчала. Дедушка Томас разгадывал кроссворд, громко споря с составителем, которого никогда не видел.

— «Человек, которому нельзя доверять», семь букв, — прочитал он. — Оливер, подходит?

— «Почтальон», — предложил Оливер.

— Слишком много букв, — отозвалась Мэдисон.

— «Соседка», — сказал дедушка Томас.

— Папа, — предупредила Мардж.

— Я всего лишь проверяю гипотезы.

В дверь постучали.

На этот раз не звонили — постучали дважды, решительно и с явным недовольством.

Мардж открыла.

На крыльце стояла Берта Хиггинс с небольшим блюдом в руках. На блюде лежали четыре круглые булочки, посыпанные сахаром.

— Это не благодарность, — сказала Берта вместо приветствия.

— Я ещё ничего не спросила, — удивилась Мардж.

— И не надо. Просто я напекла слишком много. Они всё равно зачерствеют.

Мардж посмотрела на булочки.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Не стоит благодарить. И передайте своему отцу, что я не желаю больше слышать ни слова об оранжерее.

Из гостиной немедленно донеслось:

— Передай Берте, что я прекрасно помню, какого цвета было стекло!

Берта возвела глаза к небу.

— Невозможный старик.

— Вы можете сказать ему сами, — предложила Мардж.

— Ещё чего! Чтобы он обрадовался?

Берта уже собралась уйти, но у калитки обернулась.

— И держите своего отвратительного голого кота подальше от моего сада.

— Элвис сегодня никуда не выходил.

— Вот и прекрасно! Пусть продолжает!

Берта направилась к калитке, гордо выпрямив спину. В свете фонаря её тень легла поперёк дорожки. Из гостиной дедушка Томас смотрел ей вслед, и его обычная насмешливая улыбка на мгновение стала какой-то другой — тихой, почти смущённой.

Мэдисон, заметив это, подошла к дедушке.

— Она тебе нравится?

— Кто?

— Не делай вид, что не понял.

— Берта? — Дедушка Томас изобразил ужас. — Девочка моя, я ещё не настолько потерял рассудок.

— Тогда почему ты всё время на неё смотришь?

— Проверяю, не замышляет ли она очередное нападение на садовые ножницы.

Мэдисон прищурилась.

— Ты уходишь от ответа.

— Привыкай. Взрослые делают это всю жизнь.

За столом они ели гороховый суп и спорили, что вкуснее к нему — гренки или свежий хлеб. Оливер рассказывал, как однажды по ошибке отправил собственные очки в ящик с инструментами. Дедушка Томас уверял, что в молодости однажды выиграл в карты у человека, который потом стал мэром. Мардж возмущалась каплями супа на скатерти, но сама подливала всем по второй порции. Позже она поставила чайник и разложила на блюде булочки, которые принесла Берта.

Мэдисон слушала их и думала, что в её семье никто не умел вести себя так, как полагалось нормальным людям.

Мама боялась пыли больше любых неприятностей. Папа мог починить сломанное радио и одновременно сломать исправную лампу. Дедушка Томас рассказывал истории, в которых невозможно было отличить правду от шутки. А Элвис, несомненно, считал всех окружающих своими подданными.

Иногда Мэдисон страшно хотелось тишины. Просто одной-единственной субботы, в которую никто не кричит через улицу, не размахивает шваброй и не объявляет войну мебели.

И всё же в последние дни ей иногда казалось, будто она что-то забыла. Не домашнее задание и не школьный разговор — нечто огромное, чему не находилось названия. Стоило попытаться вспомнить, как ощущение исчезало, оставляя лишь странную тоску по месту, где она никогда не бывала.

Но когда мама поставила перед ней полную тарелку горячего горохового супа, а дедушка Томас незаметно подмигнул, Мэдисон подумала, что в совершенно тихом доме ей, наверное, было бы скучно.

— О чём задумалась? — спросил Оливер.

— Ни о чём.

— Подозрительно, — сказал дедушка Томас. — В шестнадцать лет «ни о чём» обычно означает как минимум три тайны.

— Папа, — предупредила Мардж, не поднимая глаз от тарелки. — Я ещё не забыла, чем закончился прошлый твой рассказ.

Дедушка Томас поднял руки, изображая полную невиновность.

В этот момент Элвис бесшумно вскочил на освобождённое кресло возле батареи, свернулся клубком и закрыл глаза.

Оливер заметил его первым.

— Мардж, он опять на кресле.

Мардж, не поворачивая головы, отрезала:

— Пусть сидит.

— Но ты же утром велела…

— Оливер. Пусть. Сидит.

Дедушка Томас довольно кивнул.

— Мудрое решение. В каждой войне главное — вовремя заключить мир.

Элвис открыл один глаз, убедился, что его никто не собирается тревожить, и снова задремал.

За окнами зажигались фонари Фарвик-роуд. Напротив Берта Хиггинс поправляла занавеску, делая вид, что совсем не наблюдает за домом номер двенадцать. Где-то дальше по улице смеялись дети, а из соседнего сада доносился негромкий стук — ветер раскачивал незакреплённую калитку.

Мардж вытерла со стола последнюю крошку, оглядела семью и наконец села вместе со всеми.

Ей удалось просидеть неподвижно почти четыре минуты.

— Мэдисон, — сказала она затем, — у тебя на рукаве пятно от варенья.

— Мам!

— Я только сказала!

Оливер рассмеялся. Мэдисон закатила глаза. Дедушка Томас принялся аплодировать.

А Элвис даже не пошевелился.

Он прекрасно знал: в этом доме последнее слово всё равно останется за ним.

ГЛАВА 6

Четыре улицы до свободы

В следующую субботу утром миссис Мардж Аддерсон обнаружила на кухонном полу след от колеса.

След был едва заметный, длиной не больше ладони, и любой другой человек прошёл бы мимо него, не обратив внимания. Но Мардж заметила. Она стояла посреди кухни в домашнем халате, с губкой в одной руке и чашкой чая в другой, и смотрела на грязноватую полоску так, словно та перечеркнула все её планы на ближайшие десять лет.

— Папа!

Из гостиной донеслось:

— Если ты насчёт наследства, подожди до завтра! Я ещё не решил, кому оставить коллекцию газет!

— Ты опять проехал по кухне, не вытерев колёса!

— А ты опять определила меня по следам. Надо же, как в полицейских сериалах!

Мардж поставила чашку на стол и оглядела губку. Из гостиной послышалось шуршание газеты.

— Папа, я серьёзно!

— И это твоя главная беда, — отозвался дедушка Томас.

Он сидел возле окна в своей инвалидной коляске, положив газету на колени. На носу у него были очки, которые он упрямо отказывался менять, хотя уже два года рассматривал мелкий шрифт с расстояния вытянутой руки. Впрочем, необходимость поднести газету к лицу нисколько не мешала ему узнавать из другого конца комнаты, когда зять старался незаметно улизнуть от работы по дому.

— Папа! — повторила Мардж.

— Всё ещё там? — искренне удивился дедушка Томас. — Вот выдержка. У меня бы столько терпения не хватило. Позови специалистов.

— Я только что вымыла пол.

— Тогда у тебя есть прекрасная возможность сделать это снова. Ты же любишь свою работу.

— Это не работа, — отрезала Мардж. — Это попытка сохранить дом в человеческом виде.

Дедушка Томас опустил газету.

— А я, стало быть, угроза человечеству?

— Ты отлично понимаешь, что я имею в виду.

— Именно поэтому мне и страшно.

Шестнадцатилетняя Мэдисон, сидевшая за кухонным столом с раскрытым учебником, безуспешно пыталась сосредоточиться на вопросе, что заставило одного средневекового короля поссориться с другим. У неё возникло подозрение, что причиной тоже мог быть грязный след на полу.

— Мам, может, я вытру? — предложила она.

— Не трогай. Ты оставишь разводы.

— Я ещё даже не взяла тряпку.

— Я предусмотрительная.

С лестницы раздались тяжёлые шаги, и в кухню вошёл Оливер Аддерсон — высокий мужчина с добрым, слегка сонным лицом. В эту субботу он дежурил в городской ремонтной

службе. На нём была рабочая куртка, а в одной руке он нёс коробку с инструментами. Из кармана торчал моток изоленты.

— Доброе утро, — сказал он. — У кого сегодня праздник?

— У пола, — ответила Мэдисон. — Мама решила сделать ему вторую ванну.

— В таком случае передай полу мои поздравления. Я опаздываю.

— Ты хоть завтракал? — спросила Мардж.

— Конечно.

— Что ты ел?

— Кофе.

— Оливер!

— С двумя ложками сахара. Вполне питательный завтрак.

Мардж сунула ему в руки контейнер с бутербродами.

— Поешь на работе. И не клади его в ящик с проводами, как в прошлый раз.

— Это был единственный сухой ящик.

— Ты потом три дня искал в нём отвёртку, а нашёл колбасу!

— Зато колбаса прекрасно сохранилась.

Оливер поцеловал жену в щёку, уклонился от губки и хотел уже уйти, когда дедушка Томас окликнул его:

— Оливер! Если сегодня будешь возле городской библиотеки, посмотри, работает ли там лифт.

— Работает. Я сам менял в нём аварийную лампу в прошлом месяце.

— Вот и замечательно.

— А зачем тебе библиотека?

Дедушка Томас подозрительно быстро развернул газету.

— Образовываться собираюсь. Уж не знаю, стоит ли в моём возрасте.

— Хорошее дело, — согласился Оливер. — Особенно если начнёшь с правил дорожного движения.

— Очень смешно.

— До вечера! — Оливер поднял ладонь, помахал Мэдисон и вышел.

Через несколько секунд он вернулся.

— Мардж, ты не видела ключи от служебной машины?

Мардж даже не посмотрела на него.

— Правый карман куртки.

Оливер сунул руку в карман. Ключи звякнули.

— Ты волшебница, дорогая.

— Нет. Я просто живу с человеком, который не способен найти собственные карманы.

— А это, по-моему, талант, — задумчиво заметил дедушка Томас.

Когда дверь наконец захлопнулась, Мардж вернулась к следу на полу. Его уже не было: пока все разговаривали, Мэдисон вытерла его бумажным полотенцем.

— Вот, мам. Чисто.

Мардж наклонилась, осмотрела плитку и помолчала.

— Нужно ещё раз пройтись сухой тряпкой.

Мэдисон закрыла учебник.

— Я так и знала.

⁂

У дедушки Томаса была собственная пенсия, собственная банковская карточка и собственное мнение буквально по любому вопросу. Первые две вещи он считал вполне достаточными для независимой жизни, а третью — своим главным вкладом в семейный бюджет.

По мнению Мардж, дело обстояло сложнее.

Когда отцу стало трудно обходиться без посторонней помощи, она ушла с работы администратора медицинского центра. До этого Мардж много лет встречала пациентов, распределяла запись, отвечала на телефонные звонки и безошибочно помнила, какой врач принимает по вторникам, а какой терпеть не может опозданий. Коллеги утверждали, что при ней регистратура работала точнее любых часов.

Теперь те же способности Мардж направила на собственный дом.

На холодильнике висел листок с расписанием. В нём значились покупки, уборка, визиты к врачам, оплата счетов и даже «проверка запасов чистых полотенец». Мэдисон подозревала, что мать с радостью добавила бы туда «дышать», если бы это не означало лишний пункт в списке дел.

Сегодня напротив половины девятого стояло: «Папа — завтрак, лекарства, отдых».

Дедушка Томас прочёл это вслух и возмущённо постучал пальцем по бумаге.

— Ты забыла записать, когда мне разрешается иметь собственное мнение.

— Папа, мы же договаривались, — сказала Мардж, расставляя чашки.

— Когда? Во сне?

— Вчера вечером.

— Вчера вечером я смотрел новости. Всё, что я помню, — какой-то человек обещал сделать нашу жизнь лучше. Ему я тоже не поверил.

— Не начинай.

— А что это за слово — «отдых»? — дедушка Томас ткнул в расписание. — В одиннадцать часов. А если я устану в половине десятого? Мне нужно записаться заранее?

Мэдисон сделала вид, что прилежно читает учебник.

— Папа, тебе нужно беречь силы.

— Я их берегу. Всё утро сижу.

— Я говорю о твоём здоровье.

— А я говорю о своей жизни. У меня ещё есть жизнь, Мардж. Представляешь, какое неудобство?

Мардж на мгновение остановилась. Потом опустила взгляд на чашки.

— Я прекрасно знаю, что у тебя есть жизнь.

— Тогда почему её расписала ты?

В кухне стало тихо. Даже Мэдисон перестала листать страницы.

Мардж глубоко вздохнула и переставила сахарницу на середину стола.

— Потому что кто-то должен следить, чтобы всё было в порядке.

Дедушка Томас наклонился к внучке и негромко сказал:

— Запомни, Мэдди. Когда человек произносит «всё должно быть в порядке», это значит, что сейчас кому-нибудь очень не повезёт.

— Я всё слышу! — отозвалась Мардж.

— А в доме престарелых, наверное, уже давно подают второй завтрак, — мечтательно произнёс дедушка Томас.

— И никто не проверяет, правильно ли я держу ложку.

— Папа, перестань.

— Сдайте меня в дом престарелых! Обещаю не писать жалоб. В первое время.

— Ешь кашу.

— Вот видишь, Мэдди? Уже и последний аргумент у человека отобрали.

Мэдисон улыбнулась, но заметила, что мать сегодня не улыбается в ответ.

На кухонной полке стояла старая кружка с надписью «Лучшему администратору». Мардж привезла её с работы в свой последний день. Из этой кружки она теперь пила чай редко: боялась отбить ручку. Иногда Мэдисон замечала, как мать задерживает на ней взгляд, но никогда ничего не говорила.

Сегодня Мардж посмотрела на кружку всего секунду. Затем взяла губку и принялась протирать уже чистую столешницу.

⁂

В половине одиннадцатого в дверь позвонили три раза.

Первый звонок был робким, второй — настойчивым, а третий прозвучал так, будто посетитель сомневался, не арестовали ли хозяев дома за первый.

— Арчибальд, — сказала Мэдисон.

— Без сомнения, — подтвердил дедушка Томас. — Он один умеет звонить в дверь с чувством вины.

Мардж сняла фартук, поправила коврик и открыла.

На крыльце стоял почтальон Арчибальд Пикфорд. Усы его были влажными от тумана, из сумки торчало несколько конвертов, а на рукаве виднелось подозрительное пятно.

— Доброе утро, миссис Аддерсон! Письма, открытка и кое-что из налогового управления, но последнее, надеюсь, не повод портить вам день.

Мардж посмотрела на его рукав.

— Что это?

— Пятно?

— Разумеется, пятно.

— Кажется, горчица.

— Вы едите на ходу?

— Вчера ел. Пятно задержалось.

— И вы облокотились на мои перила.

Арчибальд поспешно убрал локоть.

— Искренне прошу прощения. Сейчас не время завтракать, как я понимаю.

— У меня разнос почты, — возразил Арчибальд Пикфорд. — Тридцать два адреса. Хотя, если считать заднюю пристройку у Хиггинс отдельным зданием, тридцать три. А если…

— Прекрасно сказано! Я полностью согласен.

Он начал искать конверты, перекладывая их из одной руки в другую. Один выскользнул и лёг на верхнюю ступеньку.

Мардж застыла.

— Не поднимайте, — сказала она. — Там грязно.

— Я сейчас…

— Я сама.

— А ведь вы пять минут назад это место вымыли, верно?

— Семь.

Дедушка Томас появился в прихожей и с интересом посмотрел на почтальона.

— Арчибальд, скажи по секрету: если человек отправит письмо самому себе, оно обязательно должно пройти через ваш сортировочный центр?

— Конечно, мистер Аддерсон. Почтовый порядок для всех одинаков.

— Даже если человек сидит в той же комнате, куда письмо придёт?

— Даже тогда.

— Занятная работа. Кажется, я нашёл способ получать от себя новости.

— Папа, — устало сказала Мардж.

— Что? Мои ровесники пишут мемуары, а я буду вести переписку с самым интересным человеком, которого знаю.

Арчибальд кашлянул, пряча улыбку. Потом протянул дедушке Томасу тонкий конверт.

— Кстати, вот вам письмо из городского читального зала. Я правильно адрес прочёл?

— Правильно! — оживился дедушка Томас и тут же спрятал конверт под газету.

Мардж насторожилась.

— Из читального зала? Зачем?

— Бумага, вероятно, содержит буквы, — сообщил дедушка Томас. — В этом вся прелесть писем.

— Папа.

— Мардж.

Арчибальд почувствовал, что лучше бы ему оказаться на другом конце Брейденфилда.

— Мне пора, — быстро сказал он. — Всего доброго. Пусть день будет спокойным!

— Не обещай того, чего не можешь доставить, — посоветовал дедушка Томас.

Почтальон кивнул, пятясь с крыльца, и почти налетел на изгородь.

В эту секунду через улицу открылась дверь дома номер девятнадцать.

— ПИКФОРД! — крикнула Берта Хиггинс. — Вы снова принесли мне рекламные листовки?!

Арчибальд зажмурился.

— Они адресованы вам, мисс Хиггинс!

— Я их не заказывала!

— Я тоже!

— Не дерзите мне!

— И не думал!

Дедушка Томас с удовлетворением сложил руки на груди.

— Как приятно, когда весь город работает без сбоев.

Он немного помолчал, наблюдая, как почтальон торопливо подбирает выпавший из сумки рекламный листок.

— И всё-таки подозрительный тип этот Арчибальд, — заключил дедушка Томас.

— Папа, он носит нам письма уже двадцать семь лет, — сказала Мардж.

— Вот именно. Двадцать семь лет ходит от дома к дому, заглядывает в калитки и знает, кому что присылают. И никто не задаёт вопросов.

— Потому что он почтальон, — объяснила Мэдисон.

— Очень удобная профессия для подозрительного человека, Мэдди.

— А в чём ты его подозреваешь?

Дедушка Томас посмотрел на внучку поверх очков.

— Пока не решил. Но как только решу, он узнает последним.

Мардж подняла с порога упавший конверт и вздохнула:

— Лучше бы ты подозревал его в том, что он не умеет вытирать ноги. Тут хотя бы есть доказательства.

— Видишь? — обрадовался дедушка Томас. — Мы уже почти единомышленники!

⁂

В письме из читального зала сообщалось, что в городской библиотеке возобновляются встречи любителей шахмат. Каждую субботу в двенадцать собирались люди разного возраста, играли, спорили и пили чай. Внизу стояла приписка от старого знакомого дедушки Томаса: «Приходи. Мне надоело побеждать людей, которые не умеют проигрывать».

Дедушка Томас перечитал её дважды и улыбнулся.

Когда-то, ещё до того, как ему понадобилась коляска, он ходил в библиотеку каждую неделю. В молодости он мог целый вечер спорить о правилах игры с человеком, который в итоге всё равно оставался ему приятелем. Потом встречи стали редкими, а позже исчезли совсем. Не из-за коляски как таковой — просто поводов оставаться дома с каждым годом становилось всё больше, а поводов выйти куда-то по собственному желанию — всё меньше.

Он бережно сложил письмо, проверил, на месте ли банковская карточка и несколько купюр из пенсии, и выкатился в коридор.

Мардж как раз вытряхивала коврик у открытой двери.

— Ты куда?
— Гулять.
— Сейчас?
— Нет, послезавтра. Решил начать одеваться заранее, чтобы на этот раз успеть к завтраку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.